

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

ЕГО ЗВАЛИ БОБ

СБОРНИК ФАНТАСТИКИ

2006 год

Из сборника
«КОТ В САПОГАХ»



ГИБЕЛЬ ЛУЛЛА

– С тех пор, как мы покинули наш Лулл, прошло семь долгих лет. Три года мы удирали на субсветовой скорости, потом достигли скорости света, а потом... затосковали и решили вернуться. Четыре года уже летим обратно. А на Лулле прошли тысячелетия...

Старый Лон вздохнул.

– Но почему вы сбежали, дедушка?

– Ты в самом деле хочешь знать, почему мы покинули нашу планету Лулл?

– Да, – ответил ребенок. – Мне уже десять лет. Я родился на корабле и умру на нем, но я хочу знать всю историю, всю всю правду о нас.

Старик улыбнулся. Но тут же лицо его стало привычно суровым и даже печальным.

– Хорошо, – согласился Лон. – Итак, на нашей планете между разумными существами тысячи лет шла борьба. Сначала между племенами, потом – между государствами, позже – между союзами. Оружие становилось все более грозным.

– Я знаю это, дедушка.

– Далее. Один из ученых, пользуясь всеми тремя информационными паутинами, взывал к миру и согласию...

– Знаю, знаю. Взывал, но напрасно. И он, то есть ты, создал наш корабль.

– И едва корабль взлетел, началась ужаснейшая война – и почти все живое погибло.

– Знаю и это. Но ты обещал показать фильм. Как это выглядело. И все откладываешь.

Лон вздохнул. Настало, наконец, время показать внуку тот ужасный фильм. Ведь их осталось двое на корабле, остальные умерли от неизвестного заболевания – и заморожены: вдруг удастся вернуть их к жизни? Лишь их двоих болезнь почему-то пощадила. Гены?

– Но сначала вспомним о строении и развитии Вселенной, неживого и живого. О фундаментальных законах. Для понимания...

– Я согласен.

Экран показывал, голос Лона за кадром пояснял. Все было знакомо умному Уво.

Строение материи. Частиц, полей. Единое поле. Взаимодействие небесных систем, тел. Большой Разум...

– Дедушка, я же все это помню! Дальше пойдет жизнь растений и животных, потом – грибов, бактерий и вирусов. Тайны генов... Животные начнут пожирать растения и друг друга, а бактерии и вирусы будут расправляться с ними невидимо. Вечная борьба за жизнь, несущая смерть...

– Вот и то, чего ты еще не видел.

Экран заполнили фигуры древних луллян, с дубинами и дротиками в руках.

Уво морщился: разумные существа злобно убивали и жадно поедали друг друга, превращали захваченных в рабов, которых убивали за малейшую провинность. И снова яростно воевали, чтобы захватить новых рабов. Этого Лон и в самом деле еще не показывал.

– Отвратительно, дедушка, – произнес мальчик подавленно, – я даже не мог себе представить, как мерзко все это выглядит.

Между тем, экран показывал смену поколений и обычаев, борьбу жрецов со свободомыслием, появление первых попыток примирить и даже соединить науку и религию.

Голос Лона за кадром говорил:

– Совершенствуется оружие, но ненависть и страх остаются главными чувствами луллян. Вот ракеты понеслись не в Космос, а на континенты. Смертоносные силы природы обращены луллянами против таких же луллян.

Мальчик сжался в своем кресле.

– Мы овладевали океаном, соседними планетами, но себя не могли поднять до сознания общности всех разумных существ, – горько вымолвил живой Лон. – Смотри, внук, смотри!

Лулляне шли по улицам городов, по салонам магазинов, слушали концерты, посещали спектакли, обедали в кафе, ресторанах.

– Видишь, они живут привычными интересами, веселятся, а гибель – рядом, – гневно продолжал старый Лон, глядя Уво по голове.

Над степью поднялся в небо красивый дымный гриб. А потом – рушились, будто игрушечные, жилые здания, башни обслуживания, бронированные орудия. Морские корабли сминались и сгорали, словно бумажные.

Погибали растения и животные. Показались пораженные радиацией люди, это ужаснуло ребенка настолько, что он зарыдал.

Лон выключил телевизор.

– Почему-у?! – закричал Уво.

– Тебе уже нельзя сегодня смотреть.

– Да нет же, я не об этом: почему разумные существа ведут себя так? Почему взаимоуничтожение? Зачем? Разве мало им страшных болезней, природных катастроф? Ты же говорил, что луллянин – это создатель! Что это звучит гордо! А на самом деле...

На следующий день Лон нашел видеосказку о мальчике, победившем чудовище. Это было раньше весело и интересно. Но сейчас внук попросил:

– Достаточно, дедушка. Давай посмотрим, как продолжалась дорога Лулла к гибели. Я не хочу больше веселых сказок.

Лон не стал спорить. Кадры показывали гибель Страны Розовых Рек, пораженной нервнопаралитическим газом, сгубившим все живое. Потом – разрушение Страны Голубых Деревьев от устроенного ее врагами невероятного по силе сотрясения грунта.

Уво видел уход из жизни луллян Сиреневого континента, пораженных страшными насекомыми, выпущенными завоевателями, прятавшимися в непроницаемых скафандрах.

А затем – гибель самих этих завоевателей от самовоспроизводящегося жесткого излучения, направленного на них последним из сиреневых, изобретателем-умалишенным.

На экране возник Лон и заговорил на незнакомом языке, протягивая руки к зрителям.

– Дедушка, какой ты здесь молодой! – воскликнул Уво.

Старый Лон продолжал пояснять:

– Я был астронавт-физик, побывал в десятках полетов, но меня больше всего беспокоила судьба планеты-родины. Прогнозы показывали одно: или всеобщий мир – или гибель Лулла.

– И ты призывал к миру?

Я считал, что три вещи мешают луллянам стать единой семьей: отсутствие общего языка, отсутствие единой веры и преобладание темных инстинктов, зачастую извращенных, над светлыми идеями. Я говоря понятно?

– Да, дедушка, – печально ответил Уво.

– Я пытался вместе с другими идеалистами создать и распространить на планете единый язык. Двадцать лет мы боролись, но...

– Почему же не получилось?

– Люди не хотели тратить на это время. Тогда мы попытались создать единую религию Светлой Веры, но и это закончилось провалом.

– Тоже не хотели тратить время?

– Нет, против новой религии выступили служители всех старых верований планеты.

– Но эти служители, они ведь тоже хотели людям хорошего!

– Гм... Да... Но каждая религия провозглашала свое исключительное право на Истину и на связь с Высшей Силой. Они враждовали веками, но против нас объединились.

– Странно. Не логично. Но... дальше

– Я собрал самых близких соратников, мы построили этот корабль – и успели взлететь в Космос за один час до начала войны, в которую втянулась вся планета Лулл. Поэтому нам не удалось завершить всех намеченных работ, не удалось построить много таких кораблей ...

– Вас было так мало?

– Пятьдесят два человека. Это были молодые пары, ни у кого еще не было детей, кроме нас с твоей бабушкой. У нашего сына, твоего папы, жена была беременна...

– И она родила меня!

– Да. К счастью, ты родился здоровым ребенком. И я был поначалу твоей нянькой.

– Ну и что? Мы с тобой остались вдвоем, после нас уже не будет ни одного луллянина.

– Кто знает?! С сегодняшнего дня я начну обучать тебя управлению кораблем. До Лулла еще далеко, лететь – долго. Ты можешь остаться один. Ты должен быть готов к тому, чтобы помочь оставшимся в живых и одичавшим луллянам создать новое, разумное общество.

– А если никто не выжил? А если там живут ужасные мутанты?

Лон вздохнул. Помолчал. Поднял голову.

– Я оптимист.

...Прошло тринадцать лет. Молодой командир звездолета Уво смотрел очарованно на голубую планету, которая благодаря телескопу казалась совсем близкой. Старый Лон, который плохо видел и едва передвигался, узнал от внука о близости Лулла. Но не обрадовался, а удивился.

– Насколько я помню, – сказал он командиру, – Лулл из космоса не голубой, а светло-зеленоватый. Присмотрись повнимательнее.

– Нет, я вижу хорошо: планета – голубая. Но что это? Нам навстречу поднялись два корабля с большой планеты-спутника.

– У Лулла нет спутников! Каков он, этот спутник? Я не вижу.

– Без атмосферы, весь – в огромных кратерах. Температура на поверхности близка к абсолютному нулю. Масса – намного меньше, чем у Голубой планеты.

– Проверь-ка общий сигнал Единого поля этого спутника, командир!

– Общий сигнал – 3805444777.

– Уво! Это же общий сигнал нашего Лулла! Почему он стал чьимто спутником? Где его атмосфера? Не ошибка ли?

– Дедушка! Я поймал телепередачу с Голубой планеты: они такие же, как мы с тобой! И я понимаю все то, что они говорят!

– Да, милый внук. Это – будто специально для нас. Ничего не понимаю...

– Таким образом, – завершил диктор, – восемь тысяч лет назад произошла банальная история: пролетающая мимо Лулла Голубая планета утянула с него всю атмосферу, но и сама осталась в паре с ним навсегда, превратив наш Лулл в свой спутник! Мы, потомки луллян, живем теперь на Голубой планете.

– Дедушка! Вот другой канал: говорит мужчина, но я его не понимаю!

Старый Лон, моргая, слушал. Он понимал этот язык:

– Цивилизация планеты Земля гибнет! Вы видите? Почва раскалывается! Проглатывает здания, людей! Ядерные взрывы все ближе! Нам не удалось перехватить вражеские ракеты! Роботы-солдаты не повинуются!

Экран ослепительно вспыхнул и погас.

– Что еще происходит на этой планете Земля, Уво?

– По приборам – неуправляемые реакции в центре планеты, нарастающее изменение ее магнитного поля и состава атмосферы.

– Что показывают наши локаторы?

– Старт космических кораблей!

– Командир, мы должны подготовиться к встрече. Не знаю, какой она будет. Надеюсь, вылетели разумные и благородные существа...

– Передний корабль выпустил в нашу сторону две торпеды с ядерным зарядом, – горестно произнес Уво. – Мне навязан бой без предъявления каких-либо требований, даже без объявления войны. Еще две торпеды, с другого корабля! Посылаю аннигиляторы.

– А если...?

– Никаких «если»! На меня напали, даже не сделав элементарного запроса. Дед! Я уничтожил их торпеды! А теперь на очереди корабли агрессора. Так, прекрасно: два корабля, которые нас атаковали, аннигилировали! Остальные отворачивают! Я их преследую. И уничтожу!

– Уво, там могут оказаться благородные люди! Надо попытаться как-то понять их.

– Решение мною принято.

Голос молодого командира звучал как бы спокойно.

Глаза же сузились – и не было в них уже никакого тепла, никакой доброты, никакого сочувствия.

Это был другой Уво: все еще ненавидящий Зло, но сам ставший беспощадно злым.

20 октября 1998 года
– 18 июня 2000 года
– 30 июля 2002 года
– 20 августа 2004 года
Рамат-ашарон

ЗВУК

Сиум проснулся ночью.

Это случилось впервые: он никогда не мог проснуться раньше десяти часов утра, да и то открывал глаза под воздействием нудного и неумолимого звона будильника.

Что же разбудило? Он вслушался. Соседские собаки не лаяли, редко и где-то очень далеко гудели моторы автомобилей. В квартире этажом выше кто-то ходил, но те шаги не могли прервать его крепкий сон.

И тогда Сиум понял: это – Звук!

Какойто странный, очень странный Звук. Необычный, непонятный и страшный. Потому что он живой!

Да, Звук жил сам по себе: никто и ничто не рождало его. Возможно, когда-то он был кем-то или чем-то порожден. И живет с той поры самостоятельно.

А сейчас пришел в эту комнату и звучит во всем: в воздухе, в стенах, даже в диване, на котором обычно спит Сиум.

И в нем самом, в свободном и талантливом музыканте, жил чужой Звук: в мозгу, во всем теле, даже в ногтях пальцев. Жил! Именно так: жил, а не просто разместился...

То, что Звук – живой, было ясно уже по одному тому, что он как бы дышал: то глубоко, то поверхностно; то чаще, то реже; то ровно, то прерывисто. Но еще более странным казалось то, что у Звука не было высоты.

Вернее, это звучало одновременно и глубоким басом, и тоненьким дискантом – и всеми возможными мужскими и женскими голосами; но одновременно – и как бы только одним, но очень сложным и странным голосом.

Невероятно: Сиум, обладая абсолютным слухом, не мог определить высоту Звука даже приблизительно! Попытался услышать, одиночен мультиобертоновый Звук или же в нем слышится сложный, богатый напряженностью аккорд. Не смог, не смог!

Казалось, Звук несет в себе тайную угрозу, но чем он угрожает?

Нет, надо было срочно зайти к соседу, веселому толстяку Гену. Именно к нему. Потому что Ген – хоть и глухонемой, но талантливый ученый. Сиум с детства дружил с Геном и умел довольно сносно изъясняться знаками.

И тут вошел Ген. Будто почувствовал. Сиум попытался сообщить о том, что происходит. Но явление не укладывалось в рамки привычного. Пальцевыми знаками или жестами передавать такое ему еще не приходилось.

– Я глухой, – улыбнулся Ген. – Но здесь... воздух... пол под ногами... Что-то не так...

Звук замер. Будто он задумался.

– Нет, показалось, – решил Ген и ушел.

Тут же Звук объявился. Теперь он стал богаче оттенками, сложнее – и вдруг возникла мелодия, вплелась в то непонятное, что молодой скрипач назвал Звуком. Мелодия плыла по Звуку, ныряла в него. Но жила сама по себе, словно сестра Звука...

Сиум, повинаясь нарастающему желанию, вынул из футляра скрипку, подстроился и заиграл. Звук смолк. Видимо, вслушивался.

Скрипка пела ту самую мелодию, которая только что звучала вместе со Звуком.

Музыкант не понимал, что же с ним происходит: словно кто-то вел его смычок, переставлял пальцы на грифе инструмента. И сама скрипка сегодня запела с новой силой, с новой убедительностью.

Вновь появился Звук – тот же: сложный, противоречивый, живой! Сиум радостно понял, что Звук – не чужой ему, нет!

Он просто долго отсутствовал, этот милый, прекрасный Звук: и вот он вернулся, он вобрал в себя все, что есть в мире прекрасного. И эту мелодию тоже! И теперь Сиум станет его частью. Нет, не частью, а сольется с ним воедино. Да, воедино! Растворяясь в дивном Звуке навсегда и растворив его в себе!

В душе музыканта рождалась собственная мелодия, она жила, нарастая рядом с мелодией Звука, в сладких объятиях с родной сестрой своей. Обе сестры обогащались все новыми гармоническими находками солиста, пальцы которого послушно несли живую музыку звучащим струнам.

Радость охватила Сиума – и вытеснила спасительный страх. Иначе он заметил бы, что теряет себя, что становится рабом Звука, что даже та мелодия, которая, казалось, родилась в душе его, – чужая, чужая, навязанная!

Он играл – и терял свое «Я», он становился проводником того, чужого, Странного Мира, одним из воинов-завоевателей которого был Звук.

Скрипач не знал, что в иных местах, в городах и деревнях, в разных странах и на разных континентах множество музыкантов переживают в эти минуты то же самое, что и он.

Не знал, что все слушающие Музыку Странного Мира тоже становятся рабами Звука. Что неслыханные перемены произойдут из-за этого на планете. Если только люди не спохватятся, не изгонят коварный Звук.

Он играл, он был счастлив. Никогда еще он не достигал, как ему казалось, такого совершенства в импровизации. Да, конечно!

Он был уверен, что именно поэтому прохожие останавливались около окна второго этажа – и слушали его игру, слушали, забыв о том, куда и зачем они шли, забывая свое имя и своих близких...

Только глухонемые люди планеты, казалось, еще не поддавались завоевателям. Ген, который через три часа вошел в открытую дверь, увидел друга, водящего смычком по струнам, глядящего куда-то вдаль, не узнающего его. Он вспомнил то, что успел рассказать Сиум, – и с нарастающим ужасом осознал, понял угрозу...

– Я должен действовать, – сказал себе молодой ученый, – возможно, еще не поздно. Прежде всего, нужно связаться с Центром Всепланетного Общества Глухонемых.

Решительными шагами подошел он к компьютеру и вошел в третью сеть Интернета, созданную Обществом недавно.

Это было ошибкой: он видел экран, но не слышал грозно несущийся из динамиков интернетный Звук, овладевающий его телом, его сознанием, его сущностью...

14 сентября 1998 года

– 19 июня 2000 года

– 26 августа 2004 года

Раматашарон

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

– Не поверю никогда и ни за что!! Какое переселение душ?! Это же бред! Опомнись, Алена! Опомнись!

Федор, раздраженный не вовремя возникшим спором, сердито заходил по комнате.

Вскинул голову:

– Я атеист! Сейчас кое-кто побежал по церквям, я же сторонник диалектического материализма. Нет и не может быть никакой души в материальном теле. Материя – основа, сознание – лишь ее свойство.

Красавица Алена улыбнулась.

– Ценю твердость твоих убеждений. Но даже великий Эйнштейн...

– Жид! Атомная бомба из-за него, все жидовские открытия – на погибель нашу.

– И это говорит коммунист?! Марксист?!

– Да, коммунист. И горжусь этим. Ты читала «Протоколы сионских мудрецов?»

– Представь себе, читала эту фальшивку. И «Майн кампф» Адольфа Гитлера тоже читала. В оригинале. И Танах иудейский прочла. Я же экстрасенс, ты знаешь. Мне было необходимо.

– Танах – это Талмуд? Тоже в оригинале читала, на сатанинском иврите?

– На русском: Танах – это же наш Ветхий завет. Ты как историк обязан знать.

– Задача русского патриота – спасти чистоту нации! Пока не поздно!

– А вот твоя фамилия могла бы вызвать сомнение... Русский ли ты, Гнатюк?

– Показать паспорт?

– Не надо. Моя бабка Бибинур – татарка, в пятнадцать лет вышла за моего деда Петра. Русского дворянина. Мама – полу-русская, но папа, Михаил Егоров, – русский. Я тоже русская. С четвертью татарской крови, правда. Но русская. Согласен? Верю тебе, что и ты русский.

Алена Егорова, психолог и экстрасенс, давно влекла кандидата исторических наук Федора Гнатюка. И он прекратил спор, чтобы признаться, наконец, в любви. Но опоздал.

– Хочешь посмотреть одну вещичку? – задумчиво спросила Алена. – Как раз кстати.

Она разложила перед материалистом таблицу переселений души. И вышло по ней, что в семнадцатом веке был он, Федор Гнатюк, убит жестоко после мучительных пыток. О чем и сообщила приятелю девушка.

– Ну и чушь из твоих алых уст звучит! – натянуто заусмехался Федор. – Ты сама хоть веришь в эту ерунду?

Алена не улыбалась. Черные глаза казались бездонными и даже сверхчеловеческими. Гнатюку стало не по себе, но он не подал вида.

– Хочешь рискнуть? – спросила черноглазая. – Временно переселиться в любое из предыдущих воплощений. Боишься, марксист? А я влюбиться в тебя собралась было...

Как тут было ему отказываться?! От ее последних слов он снова почувствовал привычную тягу своего сердца к Алене, к давней мечте его. Забыл о споре.

Сел в кресло, закрыл глаза, слушал тихо журчащую речь любимого экстрасенса...

– Мойше, проснись же ты, наконец!

Кацман открыл глаза. Перед ним стояла его беременная жена Циля, бледная, растрепанная. За окнами затаилась звездная ночь. Храпел негромко старик-отец.

– Мойшеле, в Кошеватом творится что-то ужасное! Евреев убивают! Это же рядом!

– Откуда ты узнала?

– Спишь крепко... Соседка Семеренчиха прибежала. Иван, муж ее, пошел других евреев будить, дай им обоим Бог здоровья. Бежать надо!

– Куда? Хмельницкий не выпустит нас. Да и лошади нет. Таких, как Семеренки, не так много, люди вокруг ненавидят нас, евреев, от ненависти озверели...

– А ты спишь на стуле в такое время, потому что опять всю ночь читал свои книги! Ты вычитал там, как нам спастись?

– Буди отца, пойдём куда глаза глядят!

– Ой вэй, поздно: уже шум на улице!

Это воины Хмельницкого ворвались в местечко. Топот копыт, крики ужаса и боли, проклятия, детский плач, лай и завывание собак сливались в нарастающий тоскливый и жуткий даже для крепких нервов шум.

Кацман поднялся во весь рост – огромный, сильный, медведеподобный. Он понял: за его грехи, за грехи предков идет на них мучительная смерть от рук не знающих пощады гоев. Схватил бронзовый подсвечник – первое, что увидел. Кинулся за топором – не нашел. Видно, украли ...

Он не боялся за себя: знал, что встретит смерть лицом к лицу, как подобает потомку древних героев. Но Циля, нежная, прекрасная Циля, должна родить первенца... Поднял свои добрые и печальные глаза к небу.

– О Элогим! Почему не дано нам сразиться с бандитами и если не победить, то хоть погибнуть достойно, поражая врагов оружием до последнего дыхания?

Шум на улице приближался.

– Циля, мы не успеем, уже не успеем! Я спрячу тебя и отца в сарае под сеном.

– Отвяжи сперва козу, выпусти ее!

– Не надо. Они ее, конечно, уведут, но зато сена не уташат. Забейся в самый угол. Ночью, когда убийцы напьются, как свиньи, пройди в хату к Семеренкам. Скажи, что я за это отдаю им все, что у нас есть. И даже дом. Только бы ты была жива и наш ребенок был бы жив.

– А ты, а ты? Как же я тебя оставлю?!

– Есть тут сволочи, которые помогут меня найти. А ты все же беременная – может, соседи сжалятся. Я встречу один бандитов. Иди, Циля, папу разбуди быстренько уже.

Он закрыл их в сарае сеном, разворошил его, погладил козу, стал у ворот.

Топот копыт замер у дома Кацманов, всадники спешили – и в калитку вломились трое пьяных с саблями наголо. Мойше ударил ближайшего, занесшего над ним саблю, подсвечником по голове – тот упал, как подкошенный.

Снова замахнулся, но на миг опоздал, и второй казак сильным ударом сабли отрубил ему правую руку. Закричал зверем еврей – и левой достал, схватил казака за горло.

Хрустнуло под могучими пальцами, повалился воин к ногам истекающего кровью храбреца, но тут же опомнившийся третий бандит взмахнул саблей – и тогда левой, выброшенной навстречу оружию, руки не стало у несчастного.

– Эгей, хлопцы, сюды! – закричал казак.

Тут же несколько его товарищей вбежали. То, что увидели, привело их в ярость безграничную: два добрых козака стали трупами.

– Ну, жыд, ты помаешся ранишэ ниж до аду спустышся... – прошипел сивоусый козачина, видимо, главный.

– У хати – никого, – доложил молоденький казачок, совсем еще мальчик. – Я до ихнього льоху лазыв.

Из сарая послышалось блеяние.

– Чулы? Там щэ хто-сь е, нэ тилькы коза. Прытащитэ усих, кого знайдэтэ!

Повернулся сивоусый к парнишке.

– Ленька! Сынку! Заплющы очи добрым рубакам. А мы за них, ранишэ ниж одспиваты, одплатымо як слид!

Цилю выволокли за волосы, старика – за бороду. Оба дрожали.

– Бабу опробую я, славный козак Мыкола Иващэнко, – сказал сивоусый, – потрымайтэ мицно, подужчэ, що пархату. Нэхай подывытэсь жыд на тэ, що я роблю.

Дернулся было на земле с тяжелым стоном Мойше, но встать не смог. Только смотрел на сивоусого яростно.

Тот изнасиловал беременную, улыбнулся ей как бы ласково – и снизу вспорол живот саблей. Казаки гоготали, глядя, как женщина содрогается в агонии. Раздался судорожный плач младенца – и страшный вой Мойше Кацмана.

– Дывысь, той пацан жывый, – удивился главарь, – и, мабуць, довго жыты хочэ. Як же вин жыты будэ, колы я йому таку ваву зробыв, що вин кровью заходыцься, бидный? Не хвылойся, жыдэня, я тоби допоможу.

Палач, взяв ребенка за ножку, ударил головкой о стену. Младенец затих. Навсегда.

Ленька, бледный, с расширенными зрачками, глядел на происходящее. Вдруг его начало рвать. Шатаясь, словно пьяный (а не пил, отец не позволял еще), подошел к стене, уперся головой.

– Зовсим щэ дытына, – ласково мурлыкнул Иващенко. – Ничого, прызвычаецься.

– Старого не будэмо катуваты, – продолжал сивоусый. – Бачыте, молитву Сатани чытае. Мы його проводымо на той свит, як слид.

Взяв молящегося старого еврея за бороду, повалил наземь и тою же саблей зарезал, как курицу. Младший Кацман, истекающий кровью, снова застонал бессильно.

– Ну, – повернулся казак, – бачыв?

Но тот лишился сознания.

Услышал:

– Плэснить щэ на поганого водыцэю!

Открыл глаза. Застонал снова от нестерпимой боли. Голова кружилась: кровь покидала тело, мысли и чувства покидали мозг.

– Щэ нэ усэ, жыд пархатый. Знимить з нього шкиру, хлопчыкы. Та нэ поспишайтэ...

– Не-ет, – закричал несчастный мученик.

Адская боль, о которой он никогда не имел и представления даже, заставила закричать еще более дико...

– Не-ет, – вопил Федор, содрогаясь от боли, – нет, нет!

Он открыл глаза.

– Все в порядке, Феденька, успокойся, мой хороший.

Алена стояла перед Гнатюком. Она была бледна: все видела и слышала, но онто не знал об этом...

– Где Циля? Где папа?... Ты?... Алена ?

Он вдруг понял, что говорит и думает на чужом идише, что он еще не совсем вернулся к себе. Он помнил! Он все помнил! Ах, как это ужасно! И какое счастье, что он не Мойше Кацман, а Федор Гнатюк!

Руки и кожа все еще болели.

– Ну, рассказывай, – повторила Алена, – что случилось с тобой в семнадцатом веке? Кем ты был сам и отчего кричал так жутко?

– Ты... – задохнулся он от ярости, – ты... загнипнотизировала меня? Так я и поверил тебе, жидовская подпевала, будто возможны всякие штучки-дрючки с переселениями души! Что я был тем поганим евреем Мойше Кацманом! Я хотел бы тебя любить, а теперь – ненавижу! Экстрасенсутка ты поганая!

Он захохотал по-страшному. Встал с кресла, пошатываясь.

Ушел, не попрощавшись.

Алена не сердилась: она знала, какая ломка сознания будет происходить у Гнатюка. Знала: после ее сеанса в муках родится новый Федор, добрый и справедливый. Федор Гнатюк, который через месяц падет перед ней на колени, прося прощения.

И тогда она станет его женой, потому что любит его. Несмотря на то, что в семнадцатом веке именно она была тем самым страшным и беспощадным Миколой Иващенко, душу которого в себе сумела изменить к лучшему.

Но об этом ее будущий муж, новый Федор Гнатюк, конечно, никогда не узнает.

Никогда.

Никогда.

Незачем.

4.10.1998–19.06.2000

30.07.2002–26.08.2004

Рамат-ашарон

СПАСАТЕЛИ

– Наконец-то! – вскричал Доберман-Жутин, вскакивая и потягиваясь сладко. – Наконец-то получилось! Теперь я спасу планету, я сделаю всех людей добрыми и счастливыми! Всех до одного!

Действительно, сомнений больше не оставалось: энцефаломир действовал.

Пятьдесят три года своей жизни отдал ученый изобретению этого прибора. Пятьдесят три года из шестидесяти прожитых!

Идея подавления злобных мыслей и желаний в мозгу человека пришла еще в первом классе: мальчик был странный, слабый, это вызывало насмешки тупых соучеников и злобной учительницы. Ревмир Доберман-Жутин страдал, размышлял. Конструировал.

В десятом классе он изобрел действующий прибор. Результат еще был ничтожен. Но он совершенствовал энцефаломир в вузе и в научно-исследовательском институте, оставаясь до пенсии младшим научным сотрудником.

А завершил тайный подвиг в унаследованной квартире, за десятилетия превращенной в мощную лабораторию. Находки и неудачи чередовались, вдовец-ученый медленно, но верно продвигался к цели.

И вот первый удачный эксперимент: Ревмир Марленович подверг воздействию энцефаломира грузчика из гастронома, недавно открытого напротив. Злобного дебелого мужика.

После облучения Степан перестал задираться без повода, начал с философским спокойствием относиться к неприятностям.

Второе облучение, как и ожидалось, привело к появлению доброжелательности и участливости по отношению ко всем людям.

– Что это стало со Степкой? – с радостным удивлением спрашивали и работники гастронома, и соседи нового, обаятельного детины.

Доберман-Жутину казалось, что он способен взлететь и парить в воздухе над миром. Он верил в светлое будущее человечества.

Оставалось только создать более мощный энцефаломир, в тысячи раз сильнее этого, лабораторного, и облучить все страны и континенты. Он знал, как сделать это.

В воскресенье, тщательно побрившись, приодевшись и положив в карман прибор, конструктор поспешил на кладбище: рассказать другу, столетнему дереву, о том, как он спасет мир. И этим, возможно, загладит свою вину перед родителями и женой, которых уморил своими экспериментами.

– Сбудется многовековая мечта людей: мир и любовь друг к другу соединят народы, семьи, расы! – громко и торжественно завершил свое сообщение дереву Доберман-Жутин.

– Повторите то, что вы сказали, Ревмир Марленович! Кого это вы спасете?

Изобретатель оглянулся на голос.

Из-за старого надтреснутого памятника появился старик, ровесник конструктора.

Вид его внушал отвращение: всклокоченные грязные волосы, гримасничающее лицо, клочковатая борода, рваная одежда. Все же удалось узнать Потеряйло-Разумовского, бывшего соперника в науке, академика.

Несколько лет назад он, по слухам, сбежал из психиатрической клиники.

– Противно, Ревмир Марленович? – захихикал он – Да, я неряшлив. Но почему?! Потому что я не тратил времени попусту, жалкий вы недоучка! Я сделал несколько открытий, о которых никто и не догадывается! Я следил за вами – и жалел вас! Но вы стали опасны! Вас следует обезвредить! Смотрите – и трепещите!

Академик снова засмеялся. Теперь смех его был подобен грому. На глазах у уstraшенного Доберман-Жутина сумасшедший вырос едва ли не втрое.

– Ну, как? А вот это?

Раздалось негромкое, но страшное жужжание – и миролюбец почувствовал непреодолимое желание разбежаться и удариться головой о ближайший мраморный памятник. Он понимал, что этого не нужно делать, но его сознание было подмято могучей властью включенного соперником прибора.

Внезапно все прекратилось. Сумасшедший академик принял первоначальный вид. Он хихикал и потирал руки.

– Дрожишь, жалкий? Прибор имеет три программы: страшные галлюцинации, манию самоубийства, – гордо продолжал Потеряйло-Разумовский, – и жажду убийства. Сила нейронатуратора достаточна, чтобы сгубить большой город. А размер мал – посмотри, несчастный.

Ревмир Марленович заметил металлическую коробочку в руке безумца.

– Ты видел меня огромным – и испугался, но то была галлюцинация. Потом ты захотел расшибить голову, но я успел выключить вторую программу. Теперь же мы с тобой включим третью и пойдем по городам и селам планеты...

– Зачем?

– ...и ты увидишь, как люди бросаются друг на друга, охваченные внезапной взаимной ненавистью, сын убивает отца, а мать – ребенка. Как жених, целующий невесту, вдруг с рычанием задушит ее, а солдат застрелит командира.

Доберман-Жутин завопил:

– Но зачем, зачем все это? Если вы хотите как истинный ученый добра людям, то ваши действия неверны, неверны!

– Так ты не понял?! Люди слабы и не способны противостоять Злу. Торжествуют мафиозные структуры! Правительства и профсоюзные боссы думают не о благе народов, а о своих доходах! Жалким массам остается лишь голосовать за того, кто пообещает больше...

– Но вы же хотите всех уничтожить...

– Ложь! Я хочу сделать людей сильными и беспощадными, чтобы человечество стало подобно прекрасному миру природы! Сильные выживут, а слабые погибнут. И Зло исчезнет. И – никаких идей! Никакого политического обмана! Гармония природы воцарится на планете. Эй! Что у тебя в кармане? Не смей! Я тебя сейчас...

Он спешно нажал кнопку второй программы. Но и Ревмир Марленович успел нажать кнопку энцефаломира в кармане куртки.

Результат их действий тут же проявился.

– Друг мой, – воззвал академик, плача радостно. – Друг мой, я был не прав. Только мы, ученые, спасем планету. Пусть все станут такими же добрыми, как ты и я. Вот моя рука.

Доберман-Жутин вывернул протянутую руку – и задушил соперника с яростью. Завыл, разбежался и, повинувшись второй программе, размозил свою голову о надтреснутый памятник.

Из-за дерева вышел молодой, симпатичный на вид, человек в темных очках.

– Я опоздал! Оба уважаемых профессора успели нажать на кнопки, – весело сказал он.

Вложив чужие приборы в спортивную сумку, человек поклонился лежащим на земле.

– Я был вашим студентом, профессор Потеряйло-Разумовский, я усвоил и развил ваши идеи. Помогли мне и ваши чертежи, господин Доберман-Жутин. Их я просто украл.

ЖанДжон-Хуан-Иоганн-Цзедун-Кривояма-Маньяччи-младший ослепительно улыбнулся.

– Жаль, старички, не увидите, как мой коммунатор сделает меня добрым повелителем этой планеты, а прочих двуногих – покорными рабами. Но в то же время счастливыми! Да! Так как счастье человека – в полном повиновении! Беспрекословном и радостном! Мощь моего прибора-малютки беспредельна!

С этими словами молодой изобретатель нежно прикоснулся губами к перстню на правом мизинце – сверхмощному излучателю.

Поднял руки над головой.

Нажал крошечную кнопку «Пуск».

Мощный, но не слышимый ухом, гул коммунатора начал распространяться над Землей с околосвуковой скоростью, пронизывая сознание людей, и погнал их к повелителю, а заодно – ко всеобщему счастью полного повиновения.

В этот же миг за тринадцать тысяч километров от старого кладбища семилетний ультравундеркинд Балл-Бес, сладострастно хихикая, завершил двухлетнюю работу. Он создал, наконец, программу, содержащую команду армиям Земли выпустить боевые ракеты и взорвать все термоядерные, химические, биологические и прочие бомбы и супербомбы, расположенные на прекрасной голубой планете.

Остался пустяк – разослать эту мощную программу-вирус по имеющимся в компьютере Балл-Беса соответствующим адресам Интернета.

14 февраля 1998 года
– 21 июня 2000 года
– 30 июля 2002 года
– 26 августа 2004 года
Рамат-ашарон

МУЗЫКА ЕГО ДУШИ

Лэфф усмехнулся: гредиане, конечно же, не поверили ни одному его слову, поэтому и усадили в это белое кресло с металлическим зонтом, который парил над его головой.

Он был спокоен: любая попытка выудить образы или мысли, способные причинить вред его родной планете Лулл, обречена на провал: боль – самый надежный способ не допустить вторжения в заблокированные зоны его памяти.

А память заплясала: стальные глаза Великого Коммандора, крепкое рукопожатие... взрыв корабля, подлетевшего к планете Гредия... стремительное падение капсулы... раскрытие парашюта... красивые лица гредиан, похожие на его лицо, но удивительно открытые и добрые...

– Дорогой гость, – сказал пожилой гредианин, усаживаясь в такое же кресло с зонтом, – мы хотели бы верить тебе во всем, но в Космосе неспокойно. Мы просим извинить нас за вторжение в твой мозг.

– Но это противоречит гуманизму.

– Мы не навредим тебе, если ты не враг.

– Как вы узнали мой язык?

– Благодаря твоему автопереводчику. Язык вашей планеты так же логичен и прост, как наш. Я лингвист и психолог, меня зовут Ронг, и я овладел сегодня восемьдесят шестым языком Космоса. Твоим языком.

– Если учесть, что вам это удалось за шесть часов, то вы действительно достойны восхищения, – промолвил Лэфф.

Он сам знал лишь семь космических языков, каждый давался с великими усилиями.

– Никаких секретов: мнемоника. К сожалению, тех трех с половиной тысяч слов, которые я держу в готовности, может оказаться недостаточно для нашего общения.

Ронг пристально взглянул на Лэффа.

На секунду боль вошла в голову луллянина и, заподозрив неладное, он стал повторять про себя то, во что искренно верил:

– Я послан с миссией доброй воли. Мы, лулляне, – добрые и умные люди. Я надеюсь на дружбу и взаимопонимание.

Да, пришелец не хотел, чтобы прибор вошел в заблокированные секторы его памяти. Больно! Не думать лишнего! Он друг... он хороший, он не желает зла... Ему симпатичен этот гредианин... Да, симпатичен... Великий Коммандор тоже такой: симпатичный, умный, добрый, его уважает вся планета Лулл.

– Итак, твое имя, дорогой гость?

– Вам оно известно, – холодно ответил Лэфф, начиная сердиться.

– Да. Но ты должен вслух назвать его. Так надо. Ты же знаешь, как действует детектор лжи. И хочешь помочь мне. Верно?

– Хорошо. Меня зовут Лэфф.

– Есть ли у тебя враги?
– Думаю, что не должно быть...
– Странно, – думал луллянин, – детектору лжи надо отвечать только «да» или «нет», но Ронг этого не требует, меня не поправляет. Неужели этот детектор не такой, как наш, на Лулле? Возможно, это прибор, способный снять мою блокировку?

– Какую блокировку ты имеешь в виду? Часть твоей памяти заблокирована? Для чего?
– тут же спросил Ронг.

Лэфф похолодел: прибор читает мысли!

– Видимо, там есть что-то вредное, – ошеломленно промямлил он.

– Вредное для кого?

– Для меня, возможно, – еще сильнее занервничал космический гость.

– Как управляется население вашей планеты?

– Совет славных избирает Великого Коммандора. Его воля – воля всего Лулла.

– Как ее парализовать, если эта воля станет вредной для народа?

– Не знаю. Такого еще не случилось.

– Все ли лулляне трудятся?

– Да. Труд на благо всех – дело жизни разумного существа.

– Почему взорвался твой корабль, а затем и капсула?

– Не могу понять и сам.

– Лишаются ли преступники жизни за содеянный вред?

Словно раскаленная спица пронзила голову Лэффа, поэтому он не вспомнил о массовых беспощадных казнях, он отвел свое «Я» от памяти. Ответил, как зазвучало в мозгу:

– Никто у нас не преступает правил.

Ронг пожал плечами, его тревожила болевая блокировка памяти гостя.

Лэфф вытер пот на лбу. Боль прошла.

– Кто может стать Великим Коммандором? – прозвучал новый вопрос.

– Только герой–космонавт.

– Стало быть, у вас есть высшая каста ... Почему ты испытываешь боль при некоторых вопросах? Это связано с блокадой памяти? Как это было сделано?

– Нне знаю. Это, видимо, необходимо для чего-то. Но мы, лулляне, не враги гредианам. Это я помню хорошо. Это – главное.

– Достаточно, – мрачно сказал Ронг.

Он явно не верил луллянину.

– Гость, есть причины подозревать каждого, кто приходит из Космоса. К нам присылали роботов, внушавших гредианам злую ненависть друг к другу: национальную, религиозную, политическую.

– Зачем?

– Не в добрых целях. Эти супер-роботы возглавляли партии, государства, религиозные организации, чтобы готовить почву для завоевания нашей планеты иными существами и для обращения нас в их рабов.

– Как же вы догадались?

– Мы не знали этого до тех пор, пока маленький гений в одной из самых маленьких стран не изобрел крошечный прибор, который безупречно находит среди миллионов живых существ чужеродного врага Грдии.

– И что дало его изобретение?

– Мы выявили врагов, а их оказалось немало, и осознали силу опасности. Началось объединение стран, рас, религий. Тогда враги стали засылать живых агентов. Применяли якобы потерянную память, включавшуюся в нужный момент, когда космические лайнеры агрессора подходили к Гредии...

Мелодично пропела дверь – и в кабинет кто-то вошел. Чего угодно ожидал луллянин, но только не этого: около кресла остановилась его покойная мать!

– Нет, не может быть, – простонал космонавт и подумал: «Хорошо, что Ронг уже отключил аппаратуру детектора лжи».

– Кто вы? – спросил он.

– Меня зовут Рилла. Я помогаю Ронгу и надеюсь помочь тебе. Ронг, я беру его на весь день, – сказала красавица. – Не возражаешь?

– Нет, все равно результаты сканирования будут лишь завтра.

– Сканирования? – расстроился Лэфф. – Значит, прибор все же вторгся в заблокированное. Мне дома об этом не говорили! Сказали только, что я отправляюсь к вам с миссией доброй воли и заблокированными участками памяти, которые этой миссии могут помешать.

– Пойдем, взволнованный гость!

Рилла взяла его за руку – и сладкое тепло разлилось по его телу. Чувство покоя и тихой радости заполнило сознание.

– Где ваш кабинет, Рилла?

– Говори мне «ты», у нас так принято. Мы идем не в кабинет, а ко мне домой.

Рилла жила на верхнем этаже круглой башни. Отсюда был виден весь город – и нельзя было не признать, что он красив.

На столе стоял портрет Риллы.

– Это ты? – спросил Лэфф.

– Нет, это мама. Моя история не совсем обычна. Когда капсула, подобная твоей, упала когда-то около главного города, в ней нашли женщину, потерявшую сознание. На вопросы она не отвечала, память ее не работала.

– Она так и не пришла в себя?

– Пришлось обучать ее с нуля. Однако она оказалась очень способной, и через год свободно говорила, читала, писала. Ее полюбил мой отец... Ронг.

Лэфф задохнулся: Рилла – дочь Ронга и его матери? Его сестра? Нет, это невозможно.

– Все было хорошо, мама все лучше проявляла себя. Она стала одной из охранниц.

– Что это значит?

– Охранники – это дежурные манипуляторы в защитной системе Гредии. Не всякий мог заслужить такое доверие, такую должность.

– Понимаю. Тем более инопланетянка.

– Практически она была наша, старое ушло из ее сознания. Вернее, как бы ушло...

Рилла понурилась. Лэфф предугадывал дальнейшее. И в то же время не хотел верить.

– Однажды, когда дежурила мама, к нашей планете приблизились мощные космические крейсера. Их было много, они подошли с разных сторон. На запросы не отвечали. Казалось, чего-то ждут. И средства уничтожения открыли по ним огонь.

Через несколько минут все было кончено. А я нашла маму мертвой. В ее компьютере светилась записка-файл. Вот эта.

Дрогнувший луллянин слушал. Рилла читала медленно, с паузами. Голос ее прерывался.

– «Дорогая доченька!

Я была заслана, чтобы помочь луллянам-завоевателям. Память ко мне давно вернулась, но я не признавалась в этом, потому что мне было стыдно и страшно. И вот они пришли, мои родичи, лулляне. Я получила сигнал, который должен был разблокировать мою память и...

Но я слишком долго была гредианкой, я полюбила эту планету и не смогла предать Гредию и тебя, моя радость. Я уничтожила корабли моей родины.

Мой старший сын Лэфф, твой брат, мог быть на одном из космолетов... Я уйду в Ничто. Прощай, прости меня – и будь счастлива».

– Я долго не могла прийти в себя, – говорила девушка. – Я любила маму. И все вспоминала ее колыбельную песню. Она пела ее без слов, но сама мелодия была... Я напою тебе. Аа-ааааа, ааааааа, ааа-аааа. Аа-ааааа...

– Аа-а! – дико закричал луллянин.

Голова раскалывалась от боли. Эта мука длилась не более пяти секунд – и память, разблокированная память, вернулась к нему:

– Вашу мать погубили гредиане, – говорил Коммандор. – Вы обязаны отомстить. Ваш корабль и капсулу мы взорвем, чтобы не выдать наши секреты. Вам это не повредит. Скорее наоборот. Вы приживетесь там...

– И тогда?

– И тогда мы тоже прилетим. Мелодия нашей древней колыбельной песенки снимет блокировки памяти – и вы сможете действовать. Мы передадим вам эту мелодию по их единой программе телевидения на подлете...

– Рилла, сестра, это была и моя мама, – сказал могучий мужчина, умываясь слезами. – Рилла, зови Ронга, я должен рассказать всю правду. Но легче от этого мне не станет.

Июнь 1969 года -

Омск,

– июнь 2000 года

– июль 2002 года

– август 2004 года,

Рамат-ашарон

ШУМ, ТОЛЬКО ШУМ...

– Снова только шум, – горестно скрипнул Граб Мзг, воздев клешни над панцирем. – Тридцатый год слушаю Космос: жду каких-нибудь разумных сигналов, но все сигналы – лишь шум небесных тел. Ни на один импульс нет ответа: ни на дурризмучение, ни на рруг-излучение, ни на каркволну, ни на чирклуч, ни даже на сверхмощный поток хохм-частиц!

– Да успокойся же, наконец, – в сотый раз проскрежетала Брзга Крга, его супруга. – Завтра тебя проводят на пенсию, твоего внимания, наконец, дождутся наши дети и внуки. Честно говорю: я рада этому.

– Но они должны быть, они должны откликнуться, наши братья по разуму!

Граб Мзг ударил себя мощным хвостом по всем четырем правым членистым конечностям.

– Почему же они молчат?! Почему не хотят вступать в контакт?..

...На расстоянии в двести тридцать шесть тысяч семьсот пятьдесят шесть и тридцать четыре сотых парсека от Граба Мзга устало смотрел на экран Мнил Мэвин.

Тридцать лет безуспешно ждал он ответа на сверхсветовые сигналы, посылаемые в Космос.

Его зеленые щупальцы обвисли и побледнели, огромные выпуклые глаза прикрыла розовая пленка, когда он протелепатировал своему верному ученику Взвылу Дылду:

– Шум, только шум, никаких сигналов разума. Но они есть, есть, иные мыслящие существа!

Взвыл закрыл выход своей телепатической антенны: он знал, что завтра любимый учитель уйдет на пенсию и опустится на дно океана, поэтому не захотел огорчать его своим решением прекратить поиски Разума и ограничиться изучением естественных сигналов небесных тел...

...Джонатан Свифт расстроился и вышел из пространственно-временного Континуума Единого Поля. Он видел, слышал и понимал обоих ученых, но не мог помочь им ничем.

Да и остальным землянам он не мог рассказать о том, что знал и умел: его бы не поняли, даже высмеяли бы...

1995

Рамат-ашарон

КОТ В САПОГАХ

Сидельниковы торопились домой: до Нового года оставалось не более двух часов. Вдруг супруги заметили его.

Серый, дымчато-искристый, необыкновенно плотный мех слегка светился в полумраке. Но не это удивляло: кот восседал на скамье у подъезда гордо и торжественно, на ногах у него были серебристо-белые не то сапоги, не то перчатки, пояс был тоже белый и к тому же толстый, к нему крепилась как бы шпага...

– Какой красавец! – ахнул Федор Александрович. – И какой странный... Видишь, Варя, он в сапогах, у него – шпага! Варенька... А что, если...?

– Никаких «если»! Ни крыс, ни собак, ни котов я в квартиру не пущу! Не для этого я тараканов извела, не для этого! Ничего живого мне в дом не нужно! Хватит и тебя с твоей научной фантастикой!

В это время какая-то собака заметила Кота, подбежала, залаяла – и тут же, поджав хвост, умолкла под его пристальным взглядом.

– Варя, это необыкновенный кот! Варенька, я должен пригласить его к нам в гости!

Сидельников подошел к Коту и уважительно произнес:

– Добрый вечер!

Кот приветливо поклонился в ответ.

– Дрессированный! – догадалась Варвара Семеновна. – Из цирка. И одет, как в цирке.

Кот отрицательно покачал головой.

– Ты видела? – воскликнул Федор Александрович и вновь обратился к Коту.
– Вы действительно понимаете то, что мы говорим?
Тот снова кивнул. Указал лапой на свой пояс.
– Варя! – голос Сидельникова дрожал и срывался. – Он понимает... Это – брат по разуму! У него на поясе автопереводчик...
Варвара Семеновна с сожалением и укором посмотрела на мужа.
– Дочитался, фантаст! Обыкновенный кот из цирка, умеет мотать головой: видно, долго дрессировали.
– Скажите ей что-нибудь. Подтвердите, что я прав, – взмолился Сидельников.
Брат по разуму гордо помотал головой: отказался.
– Хоть имя свое назовите, – попросил землянин.
– Миав, – представился Кот.
Напрягаясь было Варвара Семеновна облегченно расхохоталась:
– Обыкновенный кот. И мяукает покошачьи.
– Ты не поняла. Пригласим его к нам, – настаивал муж. – Дома, в спокойной обстановке, мы пойдем друг друга.
Жена сурово оборвала его.
– Чтоб он нагадил посреди комнаты?! Чтоб паркет ободрал или еду со стола стащил?!
Кот поежился, опустил голову.
– Ага, признался! Брысь, пакостник!
– Варенька, опомнись! – взмолился Сидельников.
Но было поздно: повернув рычаг на поясе, Миав взмыл в воздух и опустился за забором, возле строящегося жилого дома.
Подойдя к серому искристому цилиндру в углу стройплощадки, он направил на него то, что Федор Александрович считал шпагой, и очутился внутри цилиндра.
– Что телепатирует брат Миав? – беззвучно спросил командир межгалактического корабля.
– Контакт опять не состоялся, – так же, телепатически, доложил психолог.
– Снова помешала женщина? – догадалась красавица Мурлау, врач звездной экспедиции с планеты Мниаувау.
Миав печально кивнул.
– Приготовиться к старту!
...Трехметровый цилиндр растаял, не оставив следов: корабль возвращался в родную Котогалактику...

1975 год
Омск

НА СВАЛКЕ

Лемб и Горх стояли, окаменев. Волосы на головах шевелились. Ноги дрожали.
Над ними сияло сердитое и коварное Лулл-солнце. Потерявшее прелесть привычной голубизны небо тоже было недобрым, бледножарким. Но самое страшное оказалось перед ними. Потому что этому не было имени.

А как хорошо начинался день! Они сели ранним утром в машину Лемба, которую он семь лет назад выпросил на день у Шайла Хирса, а отдать не сумел, потому что Хирс исчез. Они приехали на свалку без остановок.

Начав поиск, нищие, а Лемб и Горх уже несколько лет были ими, находили вещь за вещью: кошелек с шестью купюрами, часики, даже компьютер. Правда, без клавиатуры, но с голографическим дисплеем.

Лемб разбирался в технике. Горх умел лишь критиковать спектакли и не умер от голода до сих пор благодаря тому, что напросился в помощники к Лембу, талантливому пьянчуге-инженеру, изгнанному неблагодарной фирмой.

Свалка напоминала гигантскую железнодорожную насыпь длиной в несколько сот метров. На ней прежде копошились люди, не приспособленные к борьбе за выживание, сбитые с ног алкоголем, наркотиками, непосильными ударами судьбы.

После объединения луллян под руководством всенародно избранного Совета планеты Лулл жизнь не улучшилась, а стала, наоборот, еще более жестокой и беспощадной. И никто не мог понять, почему.

А теперь вот и свалка охраняется, и немногие решаются улучшить момент, чтобы взобраться на нее, когда патруль, совершающий обход, отойдет подальше.

Лембу и Горху еще никогда не везло так: нашлась дамская сумочка, полная кредитных карточек, потом – коробочка с обручальным кольцом! Но когда они дошли до середины насыпи, то оказались перед черной жижей непонятного происхождения.

Жижа испускала из глубин своих пузыри, поднимавшиеся с жужжанием и лопающиеся с ужасным запахом.

Нищие собрались разразиться проклятиями, но не успели: из жижи высунулось Нечто. И когда стало ясно, что это живая голова, злость приятелей сменилась ужасом.

Голова открыла глаза и увидела их. Громкий рев вырвался из ее рта вместе с фонтаном черной грязи. Над поверхностью жижи появились огромные мохнатозубчатые не то ноги, не то клешни, сначала – две пары, потом – еще две, потом – еще.

Это походило на кошмарный сон.

Над жижей поднялось тело чудовища. Оно напоминало песочные часы огромного размера. Животное снова издало громкий рев, и стало видно, что рот его вытянут вперед и напоминает короткий клюв, а остальное лицо – человеческое.

Слабонервный Горх побледнел и повалился набок в обмороке. Но Лемб не собирался пассивничать. Он уже пришел в себя. Схватив Горха, приподнял его и поволок к краю насыпи, а оттуда они кубарем скатились вниз.

Когда Лемб поднялся на ноги, то увидел, что чудовище нависло над ними, возвышаясь вонючей массой на краю насыпи.

До спрятанного за придорожными кустами автомобиля было далеко, а человекоголовый паук-гигант быстроног. Ни одно решение не приходило в голову Лемба, он просто снова подхватил Горха и поволок его к машине.

Вдруг голова животного задралась к небу, дикий, душераздирающий вой потряс окрестности. Затем вой перешел в рыдания. Нищий инженер почувствовал, что и ему хочется вот так же завить и зарыдать. Тоска, глубокая и безысходная, вползала в его сердце. Силы покинули Лемба.

Паук приближался, а Лемб не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Он понял, что от животного исходит некое излучение, парализующее мышцы. Предчувствие

страшной гибели заставило его издать хриплый стон. Но – о чудо! – едва он подал голос, силы начали к нему возвращаться, а чудовище приостановилось.

Раздумывать, какая связь здесь, было некогда. Он снова подхватил приятеля и двинулся к автомобилю. Он шел и кричал. Он выл, он орал, он должен был спастись и спасти этого слабака Горха!

Приятель уже открыл глаза и пытался даже перебирать ногами, чтобы помочь ему. В этот момент изза угла насыпи показался патруль.

– Лемб, Лемб, подожди! – возгласило чудовище, рыдая. – Лемб, старина, не бойся меня. Я Хирс, у которого ты когда-то позаимствовал этот драндулет. Я в беде, Лемб, помоги мне!

Между тем, один из охранников что-то сказал по радиотелефону, тут же откуда-то появился вертолет и начал снижаться.

– Уезжайте, ребята, это – смерть, – заорал паук Хирс, быстро карабкаясь обратно.

Послышался всплеск жижи.

Лемб, как во сне, завел машину – и они помчались по главному шоссе, преследуемые вертолетом.

Первая автоматная очередь прошла кузов, не причинив вреда водителю и пассажиру. Вторая задела обоих.

Мчались на пределе возможностей, поэтому появившийся полицейский патруль потребовал остановиться, и Лемб подчинился.

Вертолет тут же скрылся.

– Превышение скорости, – сурово сказал полицейский. – Я вынужден лишить вас прав.

– Нас преследовал вертолет, – пролепетал Горх. – Они стреляли...

Тут полицейский увидел кровь, пропитывавшую уже одежду людей.

– Какой вертолет?

– Тот, что улетел сейчас.

Полицейский по радиации сообщил о происшествии. Выслушал мрачно ответ.

– Сюда уже едет медицинская помощь. Кроме того, вас допросит комиссар.

– А вертолет?

– Это не ваше дело.

– Ни слова о Хирсе, – шепнул Лемб.

– О чем вы шепчетесь? – злобно рявкнул второй полицейский, до сих пор сидевший не замеченным в автомобиле.

– Я сказал, что вы не сумеете догнать чертов вертолет, – спокойно сказал Лемб. – И это так и есть.

Комиссар заставил их повторить сообщение о происшедшем раз двадцать, каждого в отдельности – и обоих вместе. Спросил Горха:

– Почему он стрелял? Как думаешь?

– Наверно, принял нас за когото.

– Да, пожалуй, – заключил комиссар. – Отбуксируйте их машину, ребята.

– Я сумею довести ее, – возразил Лемб.

– Садитесь в медицинскую. Надо вытащить то, что сидит у вас в ранах.

– Ну, Горх, ты крепко поправился на больничных харчах, – сказал Лемб, когда их выписали из госпиталя.

– Весы подтверждают это. За восемь дней – десять кило. И ты, Лемб, потолстел. И рот набух, как у меня. А талия стала тоню-юсенькая. Как и у меня. И... у чудища... у Хирса. Ты понимаешь?!

– Тс-с! Дело плохо, друг. Я подозреваю, что те пули были...

– Отравлены?

– Нет, хуже. Нас, возможно, ждет то же, что случилось с беднягой Хирсом.

Горх побледнел и покачнулся.

– Спокойнее. Пока есть время. Надо связаться с Хирсом. Но как? В эту жидкую вонючую клоаку не сунешься...

Бронированная машина ждала у выхода из госпиталя. Трое дюжих парней схватили несчастных и втолкнули вовнутрь. Лемб понял: на свалку, в жижу. Он ждал этого.

– У меня насморк, не заразитесь, – сказал грустно, вынимая пропитанный украденным кофеином платок и шумно сморкаясь.

Затем незаметно нажал кнопку украденного там же, в госпитале, мини-контейнера со сверхмощным снотворным газом.

Через несколько секунд неодолимый сон навалился на всех пассажиров автомобиля, кроме Лемба. Водитель едва успел остановиться – и рухнул. Лемб открыл дверцы, отбросил подальше платок и контейнер и повел машину, которая быстро проветривалась.

Съехав с автомагистрали, он выбросил храпящих охранников, хотел снять их оружие, но еще один броневик остановился рядом.

– Старина Лемб, – произнес вышедший из него человек лет пятидесяти, – пересядь в мою машину. Ты в большой опасности.

– Револ? – поразился Лемб, узнав известного правозащитника-миллионера. – Тебя не казнили?

– Как видишь.

– Надо взять Горха. Он спит.

Броневи́к мчался с предельно допустимой скоростью. Обстрелявший его вертолет был подбит одним из людей Револа и сгорел свечой.

Вскоре они съехали с магистрали и оказались около небольшого лесного озера.

– Голограмму маскировки, – приказал комуто Револ и кратко пояснил, обратившись к Лембу. – Нас теперь не увидят. Предосторожность.

Броневи́к въехал в озеро, оказавшееся довольно глубоким. Мотор продолжал работать и в воде. Видимо, на каком-то неизвестном топливе. Достигнув центра озера, он остановился перед выступавшей на пару метров скалой, которая приподнялась и открыла вход в пещеру.

– Лулл в опасности, дорога каждая секунда, – бормотнул Лемб, – куда мы?

– В мою лабораторию. Там же и штаб.

Всю ночь они вместе с десятками других ученых и инженеров, мозгового центра группы Револа, возились с чертежами и формулами, связывались с другими группами подпольщиков, входили во всепланетную информационную сеть, а потом работали на станках в подземных мастерских миллионера-романтика.

Рано утром охранники свалки были обезврежены, сгруженный из автофургона вездеход вскарабкался на насыпь и погрузился в зловонную жижу. Еще через час отмытый, но все еще страшный Хирс-чудовище рассказывал:

– ...и тогда ненормальный верховный правитель и банда ученых-маньяков решили превратить выдающихся гуманистов, борцов за права человека в чудовища с мощным гипнотическим воздействием на ум человека. Удалось почти все, осталось сделать меня и сотни других пленников безжалостными хищниками. К счастью, процесс еще не завершился... О если бы мы вернулись к прежнему облику своему!. Ученые, изобретатели, деятели искусства, служители культа взывают о спасении. Спасите их!

– Но зачем все это? – простонал Горх.

– Садистская цель этой банды – силами самих же правозащитников, превращенных в чудовищ, раздавить все передовое, подчинить или уничтожить носителей высокого интеллекта и высокой морали.

– Но для чего? – все недоумевал Горх.

– Чтобы наслаждаться этой ситуацией, властвовать в вертепе, в который они превратили планету. Если не принять мер, они останутся навсегда хозяевами и творцами новых гадостей, – гневно произнес Хирс.

– Кривая логика умалишенных, – угрюмо буркнул врач-психиатр из команды Револа. – Нам этого не понять, если мерить по себе. Больные люди, вернее, нелюди, хозяйничают на планете. Вот чего мы добились, объединив все страны и союзы государств в единое общество! Вот каков он – всемирный мир.

– Мы ведь тоже не дремали, – возразил Револ. – Нами освоены не только тонкости геной инженерии, известные им, мы постигли суть поля человеческой ауры, а неделю назад достигнута коммуникация с Единым информационным полем. Вот что нужно Луллу. А пока начнем с Хирса. За дело, друзья.

Тут же к Хирсу подвезли огромный серебристо светящийся металлический колпак. Все отошли. Послышалось мерное жужжание. Изумленные Лемб и Горх видели, как, точно в сказке, менялись формы тела Хирса. Через несколько минут снова стоял перед ними хорошо знакомый Шайл Хирс. Совершенно голый, но радостный.

В этот момент завывла сирена.

– Тревога! Приближается опасность, – послышался металлический голос, – возможна ракетно-ядерная атака. Включается оборонная система аннигиляции.

Револ сказал твердо:

– Времени больше нет! Я обращаюсь к народу Лулла.

Он подошел к пульту, нажал несколько кнопок и произнес взволнованно:

– Внимание! Работают все радио – и телестанции планеты! Говорит Револ, председатель общества независимых мыслителей. Планета в опасности! Верховный правитель – ненормальный, садист! Мне некогда посвящать вас в подробности: судьбу решает каждая секунда. Я обращаюсь ко всем, кому дороги дети и внуки, кому дорога судьба цивилизации.

Он глубоко вздохнул и продолжил:

– Начали действовать все подпольные лаборатории спасения и добровольцы среди вас. Мы просим прощения за то, что без всеобщего разрешения начинаем операцию по исправлению сознания мыслящих существ и уничтожению всех неисправимых.

Он снова вздохнул и закончил:

– Знайте все! С нами Всемирный Разум! Мы победим! Да здравствует свободный и разумный Лулл!

29 февраля – 21 июня 2000 года,
26 августа 2004 года
Раматашарон

ПРЕРВАНЫЙ РЕЙС

– Федь, а Федь, сбегай в магазин, купи растительного масла! – в который уже раз нудно кричала Варвара Семеновна из кухни, где колдовала над новым блюдом по рецепту, почерпнутому из телевизионной передачи.

Сидельников печально оторвался, наконец, от сборника «Фантастика» и начал, тихо ворча, одеваться. В мыслях он все еще был на той далекой планете, вместе с теми, далекими потомками...

Убедившись в том, что взял не только кошелек, но и ключи от квартиры, он еще раз вздохнул – и вышел на мороз. Тот улыбнулся, начал весело щипать щеки, кончик носа, сразу же и легкий снежок появился, он тоже улыбался, покалывал и почесывал лицо человека, быстро превращаясь в капельки воды.

Все было, как всегда? Нет: какая-то напряженность ныла в небе и входила в душу давящим холодком. Никого на улице не было. Но еще более странной оказалась вывеска над знакомым много лет гастрономом: рекламная рама, мигающая сменяющимися друг друга кадрами из кинофильмов.

«Кинотеатр» – было написано над входом.

– Что за безобразие?! – осерчал Сидельников, входя.

И – остолбенел.

Вместо привычного зала продмага он оказался в красивом вестибюле кинотеатра. До начала кинофильма «Рейс прерван» оставалось пять минут. Около кассы стояли несколько подростков и две старушки. Сидельников занял очередь за одной из них и спросил:

– А где магазин-то?

– Так его же перевели, ты не с Луны ли свалился, милый? – пропела старушка, глядя подозрительно на Федора Александровича.

Сидельников хотел еще спросить, куда именно перевели магазин, но тут кассирша высунулась из окошка и крикнула:

– Билеты кончились! Идите на бесплатные приставные места.

Неведомая сила повлекла к двери зала, и тут донесся откудато тревожный голос жены:

– Федя, да что это с тобой делается?

Он хотел было понять, откуда и как проникает сюда голос супруги, но вторая старушка втолкнула его в зал.

Зал напоминал салон космического корабля. Стюардесса усадила опешившего Сидельникова в приставное кресло и пристегнула ремни. Тут же погас свет, и на экране засияло огненное слово: «Старт!»

Страшная тяжесть вдавила в кресло. Появились звезды на экране. Сидельников узнал Большую Медведицу. Тяжесть начала ослабевать, дышать стало легче.

– Федя, где ты сейчас? – снова послышался голос Варвары Семеновны из неведомой дали.

– Да что это в самом деле? – прошептал растерянно Сидельников. – Магазин в кинотеатр превратили, в зале какие-то магниты, что ли, установили, голос жены подделали...

– Издевательство! Потратили бы эти деньги на социальные нужды! – прошипел кто-то.

«Внимание! Опасность! Поток метеоритов! Всем сохранять спокойствие!» – загорелось на экране.

В доказательство этого стали ослепительно вспыхивать места ударов, и на экране, который, видимо, был вовсе и не экраном, а гигантским окном космического корабля, появились паутинообразные трещины...

Корабль задергало, забросало, метеориты становились все крупнее. И вдруг Федор Александрович увидел несущийся прямо на него огромный камень. Понял: это – конец... Зажмурил глаза, дикий вопль исторгся из груди его.

– Федя, Федя, что с тобой?!

Жена трясла его за плечи.

– Горе ты мое! Беги в гастроном, пока его не закрыли!

– Варенька, милая, здравствуй! Как хорошо, что я снова с тобой, – окончательно проснулся Сидельников.

– Подхалим, – улыбнулась жена.

– Бегу, бегу в гастроном! – пропел спасенный пассажир космолета.

Но перед тем, как войти в магазин, он все же на секунду задержался: внимательно и опасно вгляделся в вывеску.

1990

Красногорск
– 18.04.2000
Рамат-ашарон

Из сборника
«СИРЕНЕВОЕ ПОЛЕ»



СИРЕНЕВОЕ ПОЛЕ

Электричка, злобно взыв, помчалась к следующей станции.

Ньютон по-прежнему держал обе руки в карманах, в каждой – по пистолету со снятым предохранителем. Еще три остановки, и он сойдет в Нахабино, где его встретят верные друзья: Джонатан Свифт и Герберт Уэллс.

Только они трое понимают всю глубину опасности – трое среди бестолковых двуногих.

Главное – добраться до Останкинской телебашни, сигнализировать всем: «Планета – в опасности: марсиане подменяют людей!»

Призвать человечество к уничтожению марсиан, прикидывающихся людьми! К созданию отрядов спасения, борющихся против всех правительств, давно состоящих из марсиан!

Уничтожать всех, даже мужей и жен, детей, родителей, вызывающих малейшее подозрение!

Он вспомнил, как ловко обманул медицинскую комиссию, признав себя выздоровевшим психиатром Сергеем Николаевичем Костриковым. И они его, конечно, выпустили!!!

Жаль сопляка-лейтенанта, ни с того ни с сего потребовавшего предъявить документы в метро: пришлось ударить его в лоб украденным молотком, присвоить его пистолет. Жаль и второго милиционера: тот захотел отобрать пистолет, который уже принадлежал Ньютону...

Да, теперь у него, великого ученого-физика Айзека Ньютона, от которого зависит вся судьба цивилизации на планете Земля, есть два пистолета! Вообще-то надо три, а не два: себе, Свифту и Уэллсу. Но пока хватит и этого.

Айзек вздохнул: кто знает, сколько еще единичных бедняг придется лишиться жизни во имя сохранения всего человечества...

Молнией ворвалась в его мозг мысль:

– А что, если я никакой не Ньютон, а в самом деле врач Сергей Николаевич Костриков, находящийся под воздействием... да... под воздействием... чего? Или – кого? Если так...

Но тут же вогнанная кем-то в его мозг хохочущая мысль уничтожила сомнения: «враги-марсиане не сумеют помешать мне, великому ученому Ньютону выполнить свой долг перед человечеством!»

Оглядел вагон: кроме него – девица (якобы сонная...) и нарочито громко храпящий старик-нищий. Притворщики! Они посланы схватить его! Предатели, слуги отвратительных марсиан!. Или еще проще: это же сами марсиане! Конечно!

Ньютон увидел за окном электрички высоко в небе светящийся круглый объект. Луна? Нет, притворяется Луной! Ишь как быстро движется сквозь облака... Конечно, это марсианская летающая тарелка! Уже засекла его...

Он не боялся проклятой тарелки, потому что в его кармане – пробирка с вирусом гриппа А. Это – оружие, это – тайна мгновенной смерти сотен тысяч марсиан! И это оружие открыл он, Ньютон!

Итак, если эти двое в вагоне – марсиане, то достаточно открыть пробирку и сдунуть на них немного воздуха вместе с вытянутым струей вирусом. Тут же погибнут! Если же это – их слуги, предатели, то придется стрелять.

Не хотелось убивать девушку: такая милая толстушка...

– «Начать с нее. С милой. Ну!» – требовал жестокий, нечеловеческий, отдающий металлом, голос в голове Кострикова..

– «Не надо! Она такая юная!» – умолял иной голос, похожий на голос покойной мамы.

– «Прочь гадкие колебания! Прочь!» – сурово и требовательно перебил металлический жестокий голос, эхом раскатываясь в мозгу.

– Эй, красавица, вы гриппа не боитесь?

– С чего бы? Я уж сто раз перехворала.

Она улыбнулась:

– Вот чего я и вправду боюсь, так это фулиганов.

– Не «фулиганов», а «хулиганов». Надо говорить правильно, – ласково пожурил он и выстрелил предательнице человечества в лоб.

Девушка покачнулась, удивленно взмахнув длинными ресницами, и упала к его ногам. Старик-нищий проснулся и в ужасе закричал, завыл, как электричка.

Выстрел прервал этот ужасный вой.

Поезд остановился, и Ньютон спрыгнул на платформу. Потом – с платформы на землю. Побежал к роще, где ждали его верные друзья.

Ученый радостно пожал руки писателей-фантастов.

– Как ваши дела, дорогие?

– У меня все в порядке, – захохотал зычно Герберт Уэллс, – все меня принимают за бухгалтера Атлякова. Никто не заметил подмены. Даже его жена. Любит меня вместо него, ха-ха.

– У меня тоже хорошо, – печально и тихо доложил Джонатан Свифт, – мама того человека радуется, что он, то есть как бы я, вернулся, наконец, из дурдома.

– Ничего не заподозрила?

– Старушка совершенно слепа, довольно глуха, поэтому ей и в голову не приходит проверить истину. К сожалению, к работе в институте меня пока еще не допускают.

– Вы все такой же слюнтяй?

– Кажется, да. Скоро полгода, как я здесь, устал ждать вас. Только Герберт мог меня поддерживать в это трудное время, – солгал Свифт.

– Марсиане встречались? – приступил к делу Ньютон-Костриков. – В вагоне пришлось ликвидировать двоих предателей.

– Мне не встречались, – вздохнул, словно всплакнул, Джонатан Свифт.

Он жалел не о том, что позволил упрятать себя в психиатрическую больницу, а о том, что связался там с кровожадным Ньютоном и грубияном Уэллсом. Жил бы при старушке, матери Ивана Стручкова, помалкивал бы. Никто бы и не догадался, что он Джонатан Свифт.

– Вот вам пистолет, Герберт, – сказал торжественно Ньютон, вручая оружие Уэллсу.

– Спасибо, дружище Айзек..

– А мне? – простонал Свифт-Стручков, чувствуя свою неполноценность.

– Вы должны сами его добыть, – сурово произнес Ньютон-Костриков. – Вы слабак.

– Боюсь, я не смогу убить человека, – заплакал Стручков-Свифт слезами горя и стыда.

– Чушь, сможете. Во имя великого дела можно убить миллион, десять, сто миллионов!

– рычал Костриков, щедро обрызгивая слюной приятелей. – Зато спасем все человечество! Вы понимаете это, Свифт, нытик вы поганый?!

– Да, да, я понимаю, – залепетал несчастный миролюбец торопливо.

Год назад, когда его втянули в тайный заговор за спасение человечества, он был потрясен великой миссией, которая выпала на их долю. Ньютон так доходчиво все объяснил!

Но Свифт от природы был человеком робким, а точнее, просто трусом. Поэтому он как-то даже успокоился, когда его перевели в другое отделение психбольницы и убедили в том, что он не Свифт, а Стручков. Когда же вернулся домой из больницы, то поначалу радовался тому, что все страшное позади.

Но в один жуткий день в домишке на окраине городка, где жил Стручков с престарелой матерью, так и не позволившей ему вступить в брак ни с одной девицей, появился грубиян Атляков, выдающий себя за давно умершего Герберта Уэллса.

Атляков-Уэллс передал привет от Кострикова-Ньютона. Хохоча, рассказал, как обманул психиатров, этих наемных слуг марсиан, и притворился Атляковым. Велел сидеть тихо и ждать шефа, Ньютона, в котором Стручков то и дело видел психопата-убийцу Кострикова.

И вот они снова втроем: два ненормальных и он, Стручков, как бы уже почти здоровый, но попавший в западню.

– Вот что, – озарился вонзившейся в его мозг догадкой Ньютон, – самим нам не прорваться в Останкинскую башню. Надо создать мощную тайную организацию, обучить боевиков, техников и дикторов.

– Дикторов? – удивился Уэллс.

– Да, – Ньютон ласково улыбнулся, – мы разработаем короткий текст призыва к человечеству. Пламенный! Тревожный! Текст сочините вы, Свифт: у вас получится. Начать сегодня же!

– Слушаюсь, господин Ньютон!

– Захватим телебашню, перебив охрану. Уничтожим продажных техников и дикторов, заменим их надежными людьми. Предупредим мир об опасности. После этого взорвем башню.

– Зачем взрывать-то ее? – вякнул Свифт.

– Чтобы враги землян и предатели не воспользовались ею. Наши люди в один и тот же день передадут воззвание из всех телебашен планеты, а затем взорвут все телебашни и радиостанции!

– Точно! – возликовал Уэллс. – Здорово!

– Д-да, – ужасаясь в душе, мямлил Свифт.

– Марсиане не оставят нам времени, – забеспокоился Уэллс, – раз они встревожились. Раз всюду рыщут их агенты. Даже в поездах.

– Время работает на нас, – холодно возразил Ньютон. – У одного из вас, друзья, я должен остановиться тайно. У кого?

– У Свифта, – предложил Уэллс, – у него мать – слепая, живет он на окраине, уйти оттуда проще. А у меня жена – враг номер один: она подозревает, что я изменяю ей. Даже стыдно.

– Итак, пойдем к вам, Свифт. Старушку вашу придется ликвидировать.

Стручков-Свифт вздрогнул.

– То есть как это? Она же мать...

– Она не ваша мать, она мать Стручкова. Вы не должны ее жалеть, Джонатан. Притом я обещаю убить ее так, что она уйдет из жизни, не поняв происшедшего.

– Нет, нет, она бедная слепая старушка...

Яростно холодная мысль ослепительно ворвалась в мозг Ньютона, овладев сознанием.

– Бунт?! Тогда вы сами сделаете это! Нежно, заботливо! Вот пистолет. Выбрать момент! Подойти сзади! Выстрелить в затылок!

Стручков-Свифт последних слов не услышал: он был в глубоком обмороке.

– Такой замечательный писатель – и такой жалкий человек! – посетовал Ньютон, хлопая по щекам лежащего на земле Свифта.

– Может быть, ликвидировать его? – предложил Уэллс. – Он готов к предательству.

– Нет. Он не предатель. Хотя и не изжил кое-каких предрассудков. Нервная система – слабая. Типичный меланхолик. Но он наш верный товарищ. Если же я замечу в нем что-то опасное, я сам его с удовольствием ликвидирую.

Стручков открыл глаза.

Он твердо знал, что не позволит убить маму. И – увы! – ему придется убить другого человека: ненормального врача Кострикова.

Но он не знал того, что было еще ужаснее: Костриков-перципиент не был виновен в том, что творил: его мозг находился под воздействием сильнейшего индуктора.

В одном из новых домов Москвы, в районе Чертаново, на верхнем этаже, в четырехкомнатной квартире, перед прибором, напоминающим обычный компьютер, в эти минуты сидел некто как бы средних лет.

Он казался обычным москвичом, но если бы сорвать его маску, то поразили бы слишком большие и слишком круглые глаза, отсутствующие уши, отливающий блеском металла череп с двумя слуховыми отверстиями и с третьим глазом на темени неземного псевдосущества.

Это был один из членов экспедиции с невообразимо далекой планеты Энно, Онтаунт Восемнадцатый, опытный и проверенный робот.

Внезапно Онтаунт принял сигнал срочного вызова к Командору. Он прервал связь с Ньютоном и стремительно вылетел к стоянке Корабля. Когда он прибыл, Командор уже говорил.

– Попытки всевозможных биосуществ, киборгов и роботов, прибывающих с различных планет Метагалактики, уничтожить человечество или довести его до самоуничтожения оказываются безрезультатными уже более пяти с половиной тысяч лет – по земному исчислению, разумеется.

Катастрофы и эпидемии, политический и религиозный фанатизм, непрерывные войны унесли много жизней, но не дали окончательного результата. А термоядерную войну все еще никому не удалось спровоцировать.

Продвинулись, но встретили сильнейшее сопротивление наиболее развитых людей, идеи расовой и религиозной нетерпимости, на планете были почти уничтожены тайные секты убийц и самоубийц, погибли нацистские и коммунистические государства. Применение ядерного оружия в Хиросиме и Нагасаки привело к усилению сил самоспасения среди этих жалких органических существ.

Не получилась и война двух систем.

Вот почему мы, непобедимые Онтаунты, которым чужды идеи Добра и Зла, но которым нужна эта планета взамен нашей...

–...погибающей сегодня изза бестолковой былой деятельности биосуществ, создавших нас, – вставил Онтаунт Восемнадцатый.

–...вынуждены действовать здесь, – невозмутимо продолжал Командор. – Проблему решат психобольные, в чей мозг легко установить программу «Антимарсианин». Мы успешно внедряем психов в мощные тайные и легальные организации, стремящиеся к мировому господству. Помогаем им возглавить эти организации.

– Это нам известно, – напомнили роботы.

– Нашу психопатическую агентуру мы успешно продвигаем в политическое и финансовое руководство разных государств и партий...

– Ближе к делу! – сказал Восемнадцатый. – Я оставил включенный прибор, прервал связь...

–... в массовые общества защиты кого-то, чего-то, – все так же спокойно продолжал Командор. – Но дело идет медленно, а планета наша гибнет все быстрее. И вот сегодня получена по транскосмическому каналу новая программа, она неодолимо поведет землян к самоуничтожению.

– Суть ее? – спросил один из Онтаунтов.

– Новая религия, – ответил Командор. – Впрочем, нечто подобное (религия поклонения Огню) у них уже было. Суть нового учения – нелогичная, но заложенная в генах этих жалких существ, радость самоуничтожения, а формы... Познакомьтесь с ними. Они весьма логичны.

Начался инструктаж. Он занял ровно час.

Онтаунт Восемнадцатый получил прежнее назначение: в Россию. Русскоязычное население всех стран планеты также входило в сферу его действий. Предстояло переориентировать те тридцать две группы психопатов, которые он создал уже в стране, на новый курс, на распространение религии поклонения Великому Огню.

Он успел вернуться вовремя, сел к прибору.

Утром красивая женщина лет двадцати семи, потягиваясь, обратилась к Онтаунту:

– Опять всю ночь просидел у компьютера, Антон? Я тебя привела к себе не для этого! Ты забыл? Ты же обязан! Как снегопад! Помнишь:

Снегопад, снегопад,

Если женщина про-осит...

– Ты ненасытна, Ирина!

– Я нормальная женщина. Ты каждую ночь обязан работать в постели так, как в первый день. Я не робот, я живая! Я женщина. Же-енщинаа! Красивая! И – богатая!

– А я кто? Робот?! – как бы взъярился он.

– Не придирайся к слову. Ты уже год не работаешь нигде, сидишь у меня на шее.

– Да, Ирочка, ты права, – сказал Онтаунт. – Но скоро я начну работать. И много зарабатывать. А ласки... Обещаю исправиться. Обещаю.

Робот как бы улыбнулся. Встал со стула, подхватил Ирину на руки и стал кружиться с нею по комнате, напевая красивым баритоном с весьма заметным металлическим призвуком:

Снегопад, снегопад,

Знает дело, конечно –

И тебя ублажит,

Дорогая моя...

Ирина хохотала, целовала друга. Она больше не сердилась. Пошла на кухню готовить сожителю завтрак. Для дела мужика надо кормить!

Восемнадцатый снова сел к прибору.

Он настроился на №1917 – на Ньютона. Посылал установки и получал обратную информацию от его мозга. Иногда бормотал что-то на каком-то странном металло-певучем языке.

– Ты с друзьями, Айзек? Отлично! Ты умен, бесстрашен! Убить старушку! Не жалеть! Нет, нет, пусть это сделает сам Свифт! Он падал в обморок? (Про себя: – Как слабы некоторые из этих жалких созданий!). А если использовать для борьбы с марсианами огонь? Религию огня? А?

Робот выждал, дал Кострикову-Ньютому время усвоить идею. Послал серию импульсов:

– Сжигать их, пусть даже ценою жизни поджигателя. А? Нравится идея? (Про себя: – Его мозг еще пытается сопротивляться. Чтото нами не учтено...) Вперед, великий Ньютон, к избушке – и к старушке! Ха-хаха! Ты гений, сверхчеловек!

Индуктор отключился: пошел ублажать Ирину. Это не представляло трудности: он мог подзаряжаться прямо из гравиполя и незаметно для других перепрограммироваться как угодно. Но жаль было тратить время на мерзкую самку.

Между тем, робот не подозревал, что в пятистах метрах от него, в подвале подлежащего сносу дома, два студентадипломника собирают прибор, задуманный ими еще на первом курсе.

Программистам осталось вставить в слот еще один узел и соединить излучатель-приемник с антенной, воздвигнутой на крыше достраиваемой по соседству многоэтажной башни.

Этим они и занимались в то время, когда Онтаунт трудился, как снегопад.

– Коля, ты уверен в том, что нас вместо защиты диплома не арестуют как хакеров? – спросил товарища Семен Хайкин, рыжеволосый очкарик-крепыш небольшого роста.

– Не уверен, – улыбнулся Николай Еремин, такой же крепыш, но повыше Семена.

– Не уверен – не обгоняй, – проворчал Хайкин. – Не надо было бы выходить в эфир тайно и до защиты. Вот прихватят нас – и прощай защита нашего дипломного проекта.

– Что ты заныл? «Защита, защита!» Наш «Весельчак-1» давно уже под колпаком, его хотят засекретить и испытать до нашей защиты. Возможно, без нас даже. Вот мы и порадуем всех, представим на защите протокол эксперимента.

– А если навредим каким-нибудь авиалиниям? Или вызовем боевую тревогу у ракетчиков?

– Да ты же знаешь, м...к, что поле, которое создает наш прибор, действует только на сиреневый сектор излучений мозга! Только!

Николай, разгорячившись, продолжал:

– И принимает «Весельчак» только сиреневые волны ультра и инфрабиополя. Никто в мире не может нас засечь.

– Во-первых, ты сам м...к, а во-вторых, не надо считать, что мы самые умные из двуногих на этой планете. Хотя, возможно, это и так: мир сильно поглупел за последние годы.

– Все, последний узел сидит в слоте. Прибор готов. Ну что ж, начнем?

Последнюю фразу Иван пропел баритоном. Семен ответил тенором:

– Начнем, пожалуй.

Добавил сердито обычным голосом:

– У меня х...е предчувствия.

Тем не менее он с таким же волнением, как его товарищ, настраивался то на одно, то на другое сиреневое излучение, пока, наконец, они не выбрали одного из самых сильных приемников-излучателей, показавшегося им интересным.

Это был «Ньютон»...

Друзья, конечно, не знали, что тот находится в связи с роботом-инопланетянином, который индуцирует преступные приказы.

Послание программистов гласило:

– Выйди на Красную площадь, стань лицом к Кремлю и крикни там трижды «Весельчак работает!» Немедленно! Это очень важно!

Они несколько раз повторили приказ с интервалом в две – три минуты.

Ньютон и Свифт в эти минуты шли к домишке на окраине. Свифт уже обдумал все: как только они войдут, он возьмет в сених топор и разрубит голову психу Кострикову.

Ноги его подрагивали от страха, но он был тверд в своем намерении избавиться от потенциального убийцы его старенькой мамы.

Вдруг Ньютон остановился. Лицо его искажали гримасы. Глаза закатились.

Потом он начал было успокаиваться, но вновь начались гримасы, глаза его выражали удивление, гнев и страх. После нескольких таких приступов Костриков-Ньютон сказал нечто совершенно непонятное.

– Свифт, ступайте домой. Вот вам пистолет, уберите сами старуху. Я вам верю. А у меня срочное дело в Москве. Это очень важное дело. Важное беспредельно! Хотя я не совсем понимаю, почему я должен это сделать...

Он вручил пистолет Стручкову, показал, как ставить на предохранитель, если нужно. Пожелал успеха и пошел прочь.

Николай возбудился, стукнул кулаком свой шлеминдуктор, едва установилась обратная связь с Костриковым. Тут же толкнул в бок Семена, работавшего с ним в паре, – через второй, синхронный, шлем с приборами и датчиками, надетый на голову. Крикнул ему:

– Сработало! Он прощается с другом...

– Который должен вместо него убить какую-то старуху! Копнемся-ка в его памяти!

– Его зовут Ньютон! Айзек Ньютон!

– Нет, он Костриков. Или... да, Ньютон. Он псих! Он убил... двух милиционеров, девушку и старика в электричке. А это что за чертовщина?! Ты понимаешь?

– Импульс! Чужой импульс! Ктото в сиреновом поле этого Кострикова!

– Быть не может! Да, в самом деле... Сильнейший импульс! Кто этот гад? А мы тебя, мурло, перебьем! Вперед, Ньютон! На Красную площадь! Важное дело! Ты скажешь...

– Он идет на электричку, он поедет!

– Что творится с его мозгом? Там...

Яркая вспышка экрана, ослепительный сиреневый взрыв...

Это «Весельчак» не выдержал, вышел из строя, потому что Стручков выстрелил в голову Кострикова, пославшего в мировое пространство мощнейший сиреневый сигнал ухода из жизни.

Свифт выстрелил еще несколько раз, не веря в то, что Костриков-Ньютон ушел навсегда и больше не потревожит его.

Тут-то его и схватил наряд милиции. На допросе стало ясно, что без ФСБ не обойтись...

– Ну, доигрались... – крикнул Николай.

Дипломники понурились.

– Вряд ли мы отремонтируем прибор до защиты диплома, – сказал Семен. – Давай пока запишем все об эксперименте. Мне не дает покоя то, что кто-то кроме нас в тот момент посылал импульсы... Объект мог пострадать именно от этого.

– Нет, было механическое воздействие на ткань мозга. Вспышка означает только одно: объект убит. Но кем и как? Уж не попали ли волны неизвестного индуктора в сиреневое поле друга, с которым прощался Ньютон? И тот... убил его. Могло быть! Где они находятся?

– Судя по импульсу, этот Ньютон был в Нахабино. Или недалеко от Нахабино. Да. Точно. Это там.

– Едем в Нахабино!

– Ты что?! На чем?

– На том мотоцикле, который стоит на стройплощадке башни.

– Кража?

– Для такого дела можно! Это не навсегда! Вернем. Возьми что-нибудь включить зажигание.

Через два часа приятели были в Нахабино. Их остановил офицер милиции. Рядом с ним был человек в штатском.

– Откуда и куда? – спросил он.

– Едем в Красногорск, – ответил ему спокойным голосом Николай.

– Откуда едете? – таким же ровным голосом задал вопрос человек в штатском.

– Из... из... из Волоколамска.

– Документы! – рявкнул старший лейтенант, навел пистолет. Штатский отвел его руку.

Через пару минут человек в штатском, оказавшийся офицером ФСБ Инарьевым, беседовал с дипломниками в местном отделе милиции. В беседе участвовал и Стручков, которого привел из КПЗ сержант. Через некоторое время его увели.

– Из того, что вы рассказали, – говорил майор Инарьев, когда они ехали в его машине в Москву, – вырисовывается нечто необычное. Перед нами – враг. Пока еще неизвестно, какой. Боюсь, что и ваша жизнь уже в опасности. Поэтому я везу вас... сами знаете, куда.

На совещание в ФСБ были приглашены видные ученые, инженеры. Приехал вскоре и представитель президента страны.

Прошло несколько часов. Картина оставалась неясной, но суть тревожила: есть некие силы, опасные для всего человечества.

– Итак, тайная организация террористов либо... прошу не улыбаться... инопланетяне. Необходимо связаться с правительствами других стран, – подвел итог представитель президента.

Зазвенел телефон. Инарьев взял трубку. Слушал напряженно, молча. Положил ее.

– Задача: найти индуктора в Москве! Для этого создается чрезвычайный штаб в составе собравшихся здесь. Никто не выходит из здания. Прибор отремонтировать сегодня же, кровь из носу. Я временно возглавляю штаб.

Сергей Инарьев несколько лет назад окончил с отличием один из престижных технических вузов страны и был оставлен на кафедре аспирантом.

Он начал успешно работать над диссертацией по теме, заказанной одной из компьютерных фирм.

Неожиданно его вызвали в ФСБ.

Разговор был долгий и серьезный. В конце его Инарьев сдался и согласился перейти на новую работу. Ему сразу же присвоили звание капитана, а через два года – майора: сумел проявить себя.

Молодые дипломники, беседуя с ним, почувствовали, что этот человек – их собрат. Сначала они обращались к нему как бы официально, но и как бы язвительно:

– Как вы считаете, гражданин майор?

Но вскоре уже называли его по имени:

– Как вы считаете, Сергей?

К вечеру почти все члены штаба перешли на «ты» и звали по имени-отчеству только тех, кто носил седую бороду.

«Весельчак» был восстановлен к полуночи. Добавили ультрасканер – приставку, доставленную из одной секретной лаборатории. Подсоединили автопереводчик, самопрограммирующийся от внутренней речи объекта (изобретение одного из членов штаба, еще не запатентованное). Заменяли антенну.

– Вот фасад дома, где живет неопознанный индуктор, действовавший на мозг Ньютона, – показал здание на экране Николай.

– Это же... это же мой дом, – поразился один из членов штаба.

Инарьев снял трубку телефона, тихо что-то сказал. Тут же появился бравый парень небольшого роста, но крепкий, с озорными светлыми глазами. Это был командир группы захвата. Его начали подробно инструктировать.

– Повторяю, Костя: возможно, это – существо иного мира, – заключил Инарьев. – При нем, вернее, в нем, – может быть оружие, нам не известное, что-то вроде бластера. И... он может самоуничтожиться или вызвать подмогу.

Глаза лейтенанта Зайцева загорелись: такого еще не было! Инарьев заметил это.

– Взять его надо живым... целехоньким. Поэтому с тобой отправятся наши... коллеги. С группами поддержки пойдут другие члены штаба.

К удивлению Константина Зайцева, они взяли Антона Валериановича Лобурева очень легко. Робот не оказывал сопротивления и соглашался ехать, куда угодно.

Его подруга завозмущалась было, но узнав, что это – не милиция, а ФСБ, мигом притихла.

Онтаунт Восемнадцатый был спокоен: как только они окажутся на улице, он исчезнет, разметав слабаков. Их оружие не пугало: электронный мозг его спрятан не в «голове», а за суперброней, в «груди», там же и аварийное космическое энергопитание.

Онтаунт поздно почувствовал опасность: вошла молодая девушка-очкарик с небольшим прибором и направила тубус на робота. Он не успел ничего предпринять: мозг был парализован мощнейшей парамагнитной блокадой.

Зайцев вздохнул разочарованно:

– И зачем же тогда нас вызывали?

К Онтаунту подключили аппаратуру. Сканировали супермозг пришельца, и запись шла полным ходом. Диск памяти сменялся диском, а информация была исчерпана лишь наполовину, когда работавший одновременно с программистами полиантрополог снял с робота парик, маску и усы.

Это же робот! – крикнул Костя Зайцев.

Ирина закатила глаза и грохнулась на пол: впервые в жизни была в обмороке. Когда ее привели в чувство, она забилась в истерике.

– Это самый сложный робот, а не киборг, как я вначале полагал, – сказал Инарьев. – Дело пахнет керосином... Везем его к нам, в лабораторию Икс.

В помещении лаборатории Икс, зале со сводчатым потолком, не было окон, а дверь была сделана из шестисантиметрового стального листа со встроенным секретным замком.

Над лабораторией был только ангар, из которого вела длинная шахта лифта сюда, в это сверхсекретное помещение. Ангар охранялся усиленно и круглосуточно.

В лаборатории разместились приборы и члены штаба, представители зарубежных разведывательных служб – и все еще спящий Онтаунт.

– Онтаунт Восемнадцатый не подает сигналов и не отвечает на наши, – говорил в это время Командор. – Я допрошу его сожительницу, – сказал Онтаунт Седьмой, шеф внутренней безопасности.

– Не только это, – нахмурился Командор. – Онтаунт1043! Вы направляетесь в Россию. Вы как новейшая модель справитесь с трудной задачей.

Засветилось табло.

Из полученной информации явствовало, что секта «Огнем очистим от марсиан планету» (запрограммированные Онтаунтами по программе «Сиреневое поле» пациенты психиатрических кабинетов и клиник) растет со страшной скоростью, так как добавилась новая программа «Великий Огонь», благодаря которой успешно втягиваются мужчины со скрытой патологией стремлений.

Сектанты подожгли до тысячи лесных массивов, нефтебаз и бензоколонок в двадцати семи государствах – и молятся Очищающему Огню.

– Сожжено сто восемь христианских церквей, семьдесят шесть синагог, сто три мечети и множество буддистских храмов, – подвел итог Командор. – Погибли тысячи и тысячи землян. Первый этап завоевания этой планеты завершен. Теперь объявить марсианином и очистить огнем можно любого, целые города и даже государства!

– Столкновения с силовиками и лицами земных вероисповеданий, – подхватил Онтаунт Седьмой, – принимают грозный характер. Что и требовалось. Но если Восемнадцатый заговорит...

– Он не заговорит: мы знаем, что мы все на случай захвата чужаками заблокированы и запрограммированы на самоуничтожение.

– А если...

– Онтаунт Седьмой, не надо лишней суеты, эти существа еще не на том уровне...

– Я бы предложил...

– Позже! Итак, наша программа усиления страсти животных к огню успешно работает: коренные инстинкты биосуществ не контролируются патологическим мозгом. Всем – на места! Усиленно развивать события! Связь – каждые два оборота этой планеты. Она уже фактически наша.

Роботы вылетели к своим пунктам. Онтаунт 1043 оказался в России, а Онтаунт 1109, он же Джеймс Степлтон, – в НьюЙорке, в своем офисе.

– Звонили из ФБР, – сказала Лиззи, его смазливенькая секретарша, она же Онтаунт Двадцать Шестой. – Голос звонившего офицера показал модуляции тревоги и сдержанной ненависти.

– Не страшно. А огневики?

– Здесь неприятность: лидеры арестованы. Но лавина не иссякает. Удастся запрограммировать страсть к огню у достаточного количества мужчин с неустойчивой психикой, особенно у алкоголиков и наркоманов. Женский пол не поддается: какие-то еще не совсем ясные инстинкты мешают нам.

– Не беда, хватит и мужчин, – засмеялся Степлтон. – Начинаем второй этап: похитим и используем их ядерное оружие. Это ускорит очищение планеты от людишек. Радиация, которая останется потом, – нам, роботам, не страшна.

В это же самое время в одном из заурядных домов Иерусалима сидели за круглым столиком четверо. Все они были одеты просто и скромно, но по-европейски. Тому были причины.

Вряд ли в них кто-то узнал бы кардинала, посланца Папы Римского, православного митрополита, посланца российского патриарха, а также известного муфтия и не менее известного раввина. Не каждый понял бы, о чем говорят они: разговор шел на арамейском языке.

– ...ясно, что обезумевшая дьявольская секта Очищающего огня угрожает в равной мере всем религиям, – тревожно говорил кардинал.

– Всему человечеству! – уточнил раввин.

– Да, это угроза всем людям Земли, – поддержал муфтий, – независимо от веры.

– Не знаю, кто стоит за всем этим, но уверен, что некая сатанинская сила. И если мы хотим спасти мир, то путь один – объединение!

Мощный бас митрополита прозвучал страстным набатом. Собеседники кивнули.

Молчание прервал муфтий:

– Не вижу способа объединить верующих людей: внутри каждой мировой религии есть течения, ветви, секты – и число их растет.

– Нужна общая сильная идея, – промолвил раввин. – Пока же каждая вера признает лишь себя истинной, и в этом беда человечества.

– Равви, любой мыслящий человек скажет вам, что истина – это Коран.

– Вы ошибаетесь, истина – это Тора, – поправил раввин мягко. – Ее дал Сам Всевышний.

– Братья, – истина в том, что человечеству грозит гибель, – загремел бас христианина. – Я знаю, что истина в учении Христа, и именно Его голос зовет меня отбросить прочь разногласия с вами, найти общее и...

– Вас зовет Голос, Имя которого не произносится, – встал раввин. – Старики всех верований приходят к одному выводу: Бог один, только вера разная. Вот из этого мы должны исходить. Мы должны признать...

Он сделал паузу, собрался с духом:

–...признать право каждой веры быть истинной... лишь для своих ревнителей. Признать недопустимость исключительного права на истину. Это трудно, знаю по себе.

– Прав иудей! – пробасил митрополит. – Необходимо признать, что истина – в любви человека к Человечеству. В братстве. Во имя спасения – объединимся, побратаемся. И только так мы справимся с поджигателями.

– Трудное дело затеяли мы, но нужное. Я с вами, братья, – торжественно изрек муфтий.

Священнослужители соединили ладони в крепком рукопожатии.

На следующее утро буддисты присоединились к новому союзу. Вечером в Ватикане заседала комиссия, в которую входили также представители синтоизма, конфуцианства, индуизма и ряда других религий.

Был создан Новый Братский Всемирный совет религий, который возглавил Российский Великий муфтий.

В морге случилось невероятное...

Профессор Быстрицкий онемел от изумления, слушая своего подчиненного.

– Что-о? Труп ожил? То есть как это ожил? У него же был прострелен мозг, пробита вена...

Но факт оставался фактом: мертвец пришел в себя. Айзек Ньютон, он же Сергей Николаевич Костриков, врачпсихиатр, сидел на стуле в морге. И отвечал на вопросы.

– Как это кто я? Идиотский вопрос. Я врач-психиатр Костриков. Но что я делаю здесь? Мне кажется, это анатомка... Кто мне объяснит?

– Здравствуйте. Я ваш коллега. Профессор Быстрицкий. Владимир Борисович. Веду кафедру в мединституте и по совместительству бываю здесь. Дело в том... вы не волнуйтесь... Вас застрелили... Смерть констатировали... достаточно давно... Но вот вы... удивили всех...

– Чушь! Какая смерть?! Что вы несете?! Если вы медик, то должны знать...

– Я все знаю, но факт налицо.

– Кто же меня... застрелил?

– Ваш знакомый, некто Стручков.

– Стручков? Стручков... Не знаю такого. Среди моих знакомых нет Стручковых.

Вошел Инарьев: его вызвали сразу же после воскресения Ньютона-Кострикова.

– Здравствуйте, Сергей Николаевич. Поздравляю вас с чудесным возвращением в мир живых. Я работник авторитетного учреждения. Мы интересуемся тем, что произошло с вами, не просто так. Дело в том...

И Инарьев, попросив лишних людей удалиться, рассказал Кострикову о страшной внезапной опасности и о действиях некоего Ньютона, очень похожего на него, Кострикова.

– Но как я оказался здесь, в морге?

– Вы помните о своем пребывании в психлечебнице, доктор?

– Конечно же. Я там работаю.

– Вы там были пациентом.

– Что вы городите... господин...

– Инарьев. Вы не помните Ньютона?

– Мне снилось что-то сумбурное, но...

– Хорошо. Мы сейчас поедem с вами в клинику, ваши коллеги помогут нам.

– Согласен. На чем поедem?

– Нас ждет машина.

Инарьев не знал, что Костриков, с которым он разговаривает, – это новейший робот, прибывший на планету Земля и внедрившийся в мертвого Кострикова, восстановив функции его тела и заменив мозг сумасшедшего психиатра своим электронным мозгом.

Не знал, что супермозг Онтаунта-1043 находится в животе воскрешенного носителя!

Робот был уверен: он обведет вокруг пальца комиссию, ибо для этого и создан там, где давно уже нет места слабым, чувствительным мыслящим биологическим структурам с их любовью и ненавистью, амбициями и идеологией, устарелым способом питания и размножения, с их братоубийственными войнами.

– То, что вы рассказали, не укладывается в моем сознании, – говорил он спутнику в то время, как автомобиль несся по шоссе. – Мир в опасности! Надо срочно принимать меры!

– Принимаем. Вы должны помочь нам.

– Сделаю все, что в моих силах.

Эдвин кричал с трибуны:

– Сожжем парламенты! Там заседают продавшиеся марсианам! Сожжем заводы и военные базы, аэродромы, больницы, университеты! Вокзалы! Телевизионные башни! Туда внедрились марсиане! Только в психбольницах нет марсиан!

– Урра! Урра! – ответила толпа. – Долой марсиан! Сжечь все, что им служит!

Эдвин, он же Онтаунт 126, воззвал:

– Самый чистый огонь – ядерная бомба! Мы имеем десятки бомб. Мы их взорвем в столицах, заполненных марсианами, – и станем сильны, как огонь! Вперед – к Очищающему Огню!

– Верно! Огонь! Огонь! – эхом ответила звереющая толпа новых огнепоклонников.

– Самое большое счастье – сгореть в эпицентре атомного взрыва, – вещал Эдвин. – Ничтожный миг – и ты сам тоже становишься Вечным, Великим Огнем! Огонь – это суть Вселенной, он горит в звездах! Кто желает стать сыном Великого Огня?

– Яа-а! – рев тысячи не контролируемых разумом мужских глоток был ответом роботу.

– Запись на это счастье – у красавицы Лиззи, что сидит вон там, под тентом! Она обучит счастливых, как зажечь факел атомного Огня, а ее девочки утешат героев так, как никто еще не был утешен. Во имя легкого, незаметного, мгновенного ухода в Вечное Царство Великого Огня.

Огромный телеэкран показал красавиц, чьи тела были едва прикрыты прозрачной одеждой. Белый тент, он же – психотронный усилитель стремления к гибели, безвредный для робота, раскинулся над этими псевдоженщинами. Всякий записывающийся попадал под излучение тента.

– Урра! Да здравствует Великий Огонь! – заорала толпа мужчин остервенело.

– Все ясно! Ждать больше не будем! Расстрелять всю толпу! Оратора и всех девок схватить живьем! – скомандовал генерал Смит.

Треск автоматных очередей с крыш и из танков, окруживших площадь, длился недолго: толпа была уничтожена. Попытка Эдвина и Лиззи исчезнуть не удалась: спецназовцы использовали новейший прибор, полученный из Москвы, и роботы оказались парализованными.

– Это чудовищно! – закричал один из спецназовцев, оглядывая гору трупов. – Это же люди! Мы поступили, как гитлеровцы! Господь не простит нам этого!

– Ты хотел бы сгореть вместе с матерью и своей девушкой в атомном огне? – спросил его Смит зловеще.

– Нет. Но есть и другие способы...

– Да. Способы и есть, возможно, но нет времени искать их... – грустно пояснил генерал.

Подобные события происходили в разных местах планеты. Борьба с «Детьми Огня» и Онтаунтами не включала в свою программу пощады: земляне с благословения лидеров всех религий спасали себя от врага хладнокровного и жестокого, у них не было выбора.

Онтаунт1043 не уставал удивляться.

– Вы говорите, я несколько лет провел в лечебнице в качестве пациента? Не помню... И я воскрес? Знаете, это... Нет, я верю, верю. Все это козни инопланетян? Пугаете? Вы-то нормальный? Точно? Кто же руководит борьбой против них?

– Наша комиссия, – улыбнулся Инарьев. – Вы нам расскажете обо всех своих приключениях и весьма подобно...

– Но я же ничего не помню...

– Аппаратура вам поможет.

– Я готов на любые жертвы со своей стороны, – с чувством произнес лже-Костриков.

И подумал: «Сейчас я проникну в эту проклятую лабораторию – и ничего от нее не останется. И от тебя тоже, Инарьев!»

Он ошибся: вооруженная по самому последнему слову науки и техники группа Зайцева ждала воскресшего на поверхности, у входа в лифт, а не в лаборатории.

Схватка была короткой, но жуткой: новейшие мощные приборы на суперзащищенного Онтаунта действовали слабо, и он успел уничтожить почти всю группу веселого лейтенанта, прежде чем был сам обезврежен.

Двое суток комиссия изучала новейшего робота с планеты Энно. Все прояснялось постепенно: конструкция, принцип действия, программы перемещений и перевоплощений.

Маститые ученые при этом отметили незаурядный талант молодых исследователей Николая Еремина и Семена Хайкина.

Но как парализовать действия всей огромной команды врага, еще было не совсем ясно.
– Что происходит? – вскрикнул вдруг Семен. – Сиреневое поле принимает голубую окраску! Это же... это же...

Действительно, экран менял свой цвет.

– Я думаю, что это результат сверхмощного воздействия, – промолвил Николай. – Но кто бы это мог быть?

– Кто или Что? – насторожился, привстав со стула, один из иностранных членов комиссии, академик, известный астрофизик и автор фантастических романов.

– Я думаю, это Некая Высшая Сила, – прошептал Семен. – Добрая ли? Враждебная ли? Внезапно лже-Костриков задергался с пронзительным воем – и сник. Приборы констатировали выход из строя всех его систем.

– Что происходит, господа?! – вскричал астрофизик. – Как проникает в лабораторию чужое воздействие?! Это же невозможно! Невозможно! Это же нонсенс...

Он опустился на стул в бессилии.

– Смотрите, смотрите! – закричали снова. – Экран вернул свой сиреневый цвет! Значит, это была недолгая вспышка какой-то неизвестной нам энергии. Что же это было?

– Кажется, догадываюсь, что это, – растерянно улыбнулся Инарьев. – Но кто???...

За несколько минут до таинственного изменения цвета на экране во всех храмах планеты, на больших площадях, в залах театров и на стадионах по сигналу точного времени из Лондона началась необычная молитва.

В священном городе Иерусалаиме, как и во всех городах и селениях планеты, стояли единой дружной толпой на Храмовой горе мусульмане, христиане и иудеи, стояли и люди иных вероисповеданий, стояли даже вчерашние атеисты. Все были отныне и навеки – братья.

Возгорелись священные свечи – огонь истинный, добрый и светлый.

Люди сосредоточили всю силу желаний на спасении Человечества.

Их молчаливая мольба была сильна и величественна:

– Господи, помоги нам стать единым родом человеческим! Помоги соединить любовь к Тебе с любовью ко всем братьям и сестрам своим, какого бы цвета кожи, какой бы веры и какой бы национальности они ни были!

Пусть уйдут навсегда враги Нового Человечества, Твоего Человечества!

Онтаунты, где бы они ни находились в те мгновения, погибали. Их корабль, огромный, могучий, развалился. С громом и молниями выходили из строя двигатели, узлы управления, системы обеспечения безопасности судна.

Станция связи послала сильнейший сигнал к планете Энно. Получив его, робот, дежуривший у приемника, расплавился, а сама станция взорвалась.

На Энно, некогда населенной красивыми существами, похожими на землян, а ныне – роботами, уничтожившими своих создателей, Совет Онтаунтов объявил всеобщую чрезвычайную тревогу и мобилизацию всех конструкций. Было решено создать новый Корабль и направить его на мятежную планету. Но Центральный Мозг планеты оказался разрушенным какой-то силой.

– Мы бессильны, – подвел итог Онтаунт-председатель. – Сила биоконструкций не в них самих. Она – вне их. Нечто Безграничное, не имеющее конструкции и Способное изменять энергетические поля. Даже сиреневое поле.

– Итак, коллеги, что вы думаете об этом неожиданном излучении молящегося человечества? – спросил астрофизик двух молодых дипломников. – Как вы это объясните?

– Я думаю, что идея Высшей Силы имеет право на существование, – ответил Семен.

– А я считаю, – добавил Николай, – что мы подошли вплотную к тому, чтобы попытаться войти в прямой контакт с Высшей Силой.

– Каббалисты давно этим занимаются, – серьезно возразил академик. – Неужели же мы пойдем к ним на выучку? Мы, познающие тайны микромира и космоса! Мы, совершающие открытие за открытием во всех науках! Мы, приближающиеся к абсолютному знанию!

– Я думаю, что до абсолютного знания нам и сегодня так же далеко, как тысячи лет назад, – задумчиво произнес Инарьев. – Путь познания – это движение переменной величины к своему пределу, которого она достичь не может никогда.

– Это математика, а на самом деле...

–...процесс познания бесконечен, но познающее человечество конечно. Все, что имеет начало, имеет и конец, – возразил кто-то.

Беседа ученых затянулась надолго.

– Итак, братья, – улыбнулся Председатель, обращаясь к членам Нового Братского Всемирного Совета религий, – впервые в истории рода человеческого мы объединились. И сила наша оказалась чудесной, ибо ее приняла Сила Высшая. Ныне перед нами задача не менее трудная: сохранить наше единство.

– Как нам быть со Стручковым? С одной стороны, убил человека... – начал следователь.

– Введите его, – прервал Инарьев.

Ввели убийцу.

– Что вы скажете в свое оправдание, Иван Дормидонтович? – спросил следователь.

– Это ужасно, я не должен был... Но он велел мне убить мою старенькую маму...

– Кто это он?

– Сумасшедший врач Костриков. Вообразил себя Ньютоном и спасителем людей.

– Но и вы вообразили себя Свифтом.

– Это верно. Было такое. Я полагаю, что мне нужно оставаться на учете и проверке, чтобы избежать рецидива шизофрении.

– Ну а за убийство отвечать намерены?

– Да, я понимаю. Я готов понести...

– Отпустите его, – решил Инарьев. – Он достаточно наказан тем, что будет мучиться до конца своей жизни. И закройте дело. А что с... с Атляковым?

– Этот бухгалтер снова в дурдоме. Но врачи надеются и его подлечить. Сейчас применяется новый метод какой-то. Я в этом не очень разбираюсь. Что-то связанное с сиренью.

– Метод погружения в сиреневое поле, – сказал Инарьев. – Очень сильный метод. Очень.

– А причем тут сирень?

1995 – 24 12 2001
– 11 08 2002 – 2 09 2004,
Раматашарон

ЕГО ЗВАЛИ БОБ

Нильс сидел в саду друга своего детства Бенджамена Стоуна, в предзакатной тиши флоридского вечера. Музыка Грига доносилась с яхты, медленно курсирующей вдоль берега.

Душе Нильса были милы современные ритмы, громоподобное звучание динамиков, надрывные голоса солистов, гипнотизирующие повторы одних и тех же фраз.

Его всегда захватывало шаманство эстрадных групп, объединяющее многотысячную толпу.

– Это будит наши инстинкты, это дает силу, – говаривал он не раз Бену Стоуну. – А ваша классика расслабляет – и вообще скуку нагоняет. Не те времена нынче!

Сегодня же его расслабил непривычный для техасского фермера дурманящий запах моря и приморской флоры. И музыка Грига поэтому, наверно, показалась манящей.

Вдруг Нильс почувствовал древним животным инстинктом затаившуюся опасность.

– Что со мной? Откуда чувство страха?

Вслушался. Тишину нарушали только звуки, несшиеся с яхты.

Огляделся.

Рядом никого не было.

– Зря я не поехал вместе с Беном на яхте, – сказал себе Нильс. – Одному мне оставаться в чужом месте непривычно. Ну поспал бы на этой классической музыке...

Он перевел взгляд на землю – и увидел его. Размером – с большого летающего таракана, формой же оно скорее походило на скорпиона. Оно поняло, что его заметили, и застыло, как бы готовясь к прыжку.

Нильс смотрел на странное насекомое, не чувствуя в себе обычного холодного, яростного спокойствия, в минуту опасности помогавшего выходить из невероятных переделок.

Будто что-то парализовало его.

Но фермер собрался с духом, разозлился и стеклом, с которым редко расставался, ткнул мерзкое насекомое. К его ужасу и удивлению, оно не обратило внимания на стек, больно ткнувший, но не повредивший его.

Зажужжали расправившиеся крылья – оно бросилось к лицу Нильса.

Сработало вдруг нечто, унаследованное от предков-викингов, и Нильс Свенсон опередил насекомое, ударив стеклом точно и сильно. Оно упало, Нильс тут же вдавил его в землю яростной ногой.

Лицо Свенсона вспотело, ноги подрагивали. И это был не обычный страх: что-то вызывало его. Но что? Он начал отодвигать ногу, придавившую насекомое.

Оно зашевелилось!

И тогда Нильс вспомнил, что на столе есть нож для фруктов. Схватил его (смог дотянуться, не сдвинув ноги с мутанта или как там его...) и воткнул в странного врага изо всех сил. Нож не вошел в тело даже на миллиметр. Лишь царапнул со скрежетом.

– Бронированный ты, что ли? – яростно крикнул Свенсон и нанес еще один удар, с удесятеренной гневной силой.

Тот же результат.

Тогда человек стал обеими ногами на врага – и методично стал процарапывать ножом линию, чтобы войти вовнутрь. Он был уверен в том, что под панцирем скрывается обычная мякоть. Однако царапание было еще менее эффективно, чем удары.

Насекомому, видимо, надоели упражнения ковбоя: оно, издавая громкое жужжание, погрузилось, вернее, вгрызлось глубоко в землю.

Это не успокоило. Скорее – наоборот. Опасность не ушла. Она лишь дала передышку. И в самом деле уже через минуту затихшее было жужжание послышалось. Все явственнее, громче – сначала снизу, потом сбоку и откуда-то сверху.

Посыпались опилки – из-под коры платана вырвалось оно. Видимо, прошло под землей до ствола дерева, а потом – по стволу поднялось с непонятной скоростью.

Враг вновь ринулся на Свенсона, выпустив перед собой длиннущее жало. Оно продолжало удлиняться – и это была его ошибка. Мастер лассо и чемпион штата по фехтованию сделал резкий шаг вправо – и стек обрушился на тонкое жало. При этом стало ясно, что оно не сломлено, а лишь погнуто. Враг упал на землю.

Нильс снова придавил его ногой. Ножом попытался отрезать жало. Но не смог: оно было тверже ножа, хоть и гнулось... Боевой дух ковбоя начал убывать.

Словно почувствовав это, таинственный противник выскользнул из-под его подошвы, взмыл в воздух и вновь ринулся на теряющего отвагу человека.

Свенсон промахнулся, стек просвистел в воздухе, но... насекомое почему-то упало на землю...

Оно больше не жужжало и не двигалось. Человек глубоко вздохнул. Почувствовал, что ноги его все еще подрагивают. Сел.

Прошло около часа. Стало смеркаться. Предметы теряли ясность цвета и очертаний.

Нильс все еще пребывал в напряженном ожидании новой атаки. Состояние его нервной системы было критическим. Каждый шорох, казалось, несет в себе опасность. Возможно, смертельную.

Но нет. Оно не шевелилось. И Свенсон вдруг крепко заснул: психика не выдержала.

На яхте музыку Грига сменил Первый концерт Чайковского для фортепьяно с оркестром.

– Ну что ж, поздравляю, Бенджамен, эксперимент можно считать удачным, – сказал толстый человек, сидящий в шезлонге на палубе яхты, закуривая сигару.

– Все же мне жаль беднягу Нильса, он здорово перенервничал. Да и совестно перед старым товарищем.

– Чепуха! Парень крепок, как бычки на его ферме. Но каков робот! Каков наш маленький Боб! Прелесть! Он прикончил бы беднягу, если бы...

- Боб лишь точно выполнял ваш заказ: сделать инъекцию ближайшему грубо мыслящему двуногому мужского пола, представителю белой расы, атеисту и холостяку, не местному жителю...
- Бенджамен, уж не хотите ли вы перечислить все триста девять признаков цели поражения?
- Нет, конечно. Но я никак не ожидал, что под угрозой гибели окажется мой друг Нильс.
- Ерунда. Ваш друг Нильс не представляет ценности для будущего человечества.
- Я не понимаю еще одного: Боб не стал делать инъекцию сразу. Что-то его смутило, и он сначала сел на землю...
- Господин программист, тогда я вам подскажу: его смутила музыка Грига! Я уверен, ваш нордический фермер вдруг почувствовал ее красоту – и этим дезориентировал Боба!
- Ну конечно же! Как я сразу не сообразил?! – воскликнул Стоун, главный программист транснациональной фирмы «Спасение», официально занимающейся изготовлением автоматов для домашнего хозяйства.
- Когда-то меня, нищего слесаренка, – улыбнулся шеф, – учили: чем сложнее машина, тем чаще она выходит из строя и тем труднее ее ремонтировать. Честно признаться, я до сих пор не понимаю, каким образом Боб узнаёт расу цели поражения. По цвету кожи? А пол жертвы?
- Это просто: любые признаки можно выразить формулой, понятной прибору...
- Верю, верю. Но как он может узнать, давно ли человек проживает в данном районе?
- Взаимодействие ауры с магнитным полем планеты и местными аномалиями...
- Шеф расхохотался. Закашлялся. Положил сигару в золотую пепельницу.
- Ну вас, Бен! Я уже понял суть. Детали меня не интересуют.
- Он снова стал серьезным.
- Бен! Если внезапно проснувшаяся тяга к Григу так изменила параметры вашего ковбоя, что сбила Боба с толку, то...
- Да, это следует проработать...
- Я думаю, что во время нашей акции по очищению человечества, – продолжал глава фирмы, – мы оставим гораздо меньше признаков для выбора цели поражения. Упростить все до минимума! Понимаете?
- Согласен. Кроме того, шеф, сегодня мне стало ясно, что необходимо усовершенствовать конструкцию инъектора. Он согнулся от удара...
- Вас финансируют без ограничений.
- Надо решить еще ряд проблем...
- Решайте их срочно: пора приступить к серийному выпуску роботов. Время не ждет: слишком много на планете лишних людей. Мы должны оставить только тех, кто обладает набором признаков, необходимых для спасения человечества. И обезопасить самих себя! Это – главное!
- Да, шеф.
- Кстати, Бенджамен, что бы вы делали, если бы крошка Боб угробил вашего друга Нильса? Восстали бы против меня, своего босса?
- Нет, этого не могло быть: я все время держал руку на кнопке отключения робота и не отрывал глаз от экрана...
- Но сейчас вы держите эту руку на бутылке виски – и не смотрите на экран!

– Я совсем отключил Боба. Напрочь!

– Взгляните же на экран, взгляните, чертов папаша игрушки! Отключенный Боб шевелится! Вы понимаете что-нибудь?

Бенджамен не верил своим глазам: лежащий на спине Боб и в самом деле старался перевернуться.

Главный инженер проекта все нажимал и снова нажимал красную кнопку отключения суперробота, но на экране ясно видно было, как тот продолжал шевелиться. И все яростнее, все энергичнее.

Затем послышалось мощное сердитое жужжание: Боб, а если точнее, некое оно взлетело, но направилось не к спящему Нильсу, а в сторону яхты...

1994–20 июля 2001

–2 сентября 2004,

Рамат-ашарон

ОШИБСЯ ЛИ ТОМ ГРЕНТВУД?

Том шел вдоль набережной, смотря себе под ноги и стараясь ни о чем не думать.

– Не думать! Не думать! – приказывал себе на каждом шагу.

Временами это удавалось. А потом снова тоска струйкой просачивалась из глубин подсознания в его усталое «Я», и мысли, рожденные тоской, заставляли юношу то ускорять шаги, то останавливаться внезапно.

И было отчего: вчера его лучший друг, Билл Стейнворд, плашмя плюхнулся с моста в эту грязную воду. Билл, великолепный ныряльщик, почему-то плюхнулся плашмя и разбился при ударе о мутную гладь воды.

На его столе обнаружили маленький клочок ватмана со словами: «Я осознал всю тщетность своих надежд и мечтаний».

Один только Том понял смысл этого предсмертного крика, этой короткой страшной фразы: проект Стейнворда, проект превращения планеты в райский сад при сказочно малых инвестициях оказался опасен для акул бизнеса.

За две недели до этой непонятной смерти к ним подошел в пабе некто черноволосый с косичкой и вместо приветствия произнес в лицо Биллу, не обращая внимания на Тома:

– Друг Билл, надо думать не о всеобщем счастье, а о своей собственной жизни. Иначе можно прожить так мало! А хочется – много. Впрочем, ты сам знаешь, что можешь разбогатеть и жить прекрасно, если сегодня же уничтожишь лабораторию в своей квартире. Слово джентльмена, ты не пожалеешь! Мы поможем тебе.

Откуда он появился, куда вдруг исчез, так и осталось загадкой. Полиция не поверила в этого человека, когда допрашивала Тома как друга самоубийцы Билла Стейнворда.

Конечно, Билл не испугался той угрозы и даже не подумал уничтожить лабораторию. И тут пошло: его уволили с работы, рядом с ним падали откуда-то сверху кирпичи, куски чугуна, бревна, кто-то поджег дверь его квартиры – и лаборатория сгорела дотла.

Но Стейнворд не сдался: он лихорадочно искал спонсора и одновременно начал устраивать новую мини-лабораторию. И вдруг – вот это самоубийство! И странная записка, напечатанная на принтере, а не написанная его рукой...

Том подумал о том, что смерть Билла лишила его единственного и такого славного друга, и о том, что теперь ему будет трудно.

– У меня есть Мэри! – возразил сам себе.

И вспомнил, как посмеивался над девушкой покойный Билл:

– Будто ей не двадцать лет, а максимум два года. Что она знает о жизни? Да и знаешь ли ты сам о Мэри достаточно?

Стоп! А ведь с Мэри Лестер его познакомил сам Билл! Он знал ее до того, как познакомил с Томом!!

Это было не больше месяца назад. Мэри подала руку Тому и покраснела. И он тоже покраснел, будто никогда не пожимал женской руки. Видя это обоюдное покраснение, Билл, тогда еще полный жизни и надежд, расхохотался:

– Дети, не краснейте! Вы не сделали ничего плохого... пока. Мне кажется, я присутствую при возникновении любви с первого взгляда – и до последнего, возможно. Чего только не бывает на странной планете Земля?!

При последних словах Билла румянец на щеках Мэри сменился смертельной бледностью. Том встревожился, а Билл вдруг хлопнул себя по лбу, вскричав:

– Забыл выключить рубильник, забыл! Пока, увидимся позже! Некогда мне, некогда!

И умчался. А потом рассказал, что дверь его квартиры кто-то пытался взломать, но завывала сигнализация, сбежали соседи и сам он подоспел тут же. А потом был тот, с косичкой, в пабе. А еще потом – суицид: прыгнул с моста. Да прыгнул ли?

– Том! – послышалось сзади.

Он оглянулся и увидел Мэри. Глаза девушки встретились с глазами Тома, руки их тоже встретились. Они молча пошли вместе. Том положил осторожно руку на ее плечо. Она не возражала, но вздрогнула. Через некоторое время он слегка притянул ее к себе.

Она снова вздрогнула, но прижалась к нему, обняла за талию. И спросила:

– Том, чего бы ты хотел больше всего?

И в который уже раз его удивил странный акцент: абсолютная четкость произношения звукосочетаний – такого он не встречал еще. Но он и сейчас не придал этому чрезмерного значения, он прямо и честно ответил на ее вопрос:

– Больше всего на свете я бы хотел идти вот так рядом с тобой вечно. До самой смерти.

– Это правда, Том?

В голосе девушки была глубокая тревога, и он поспешил успокоить ее:

– Правда, правда! Я понимаю, мы еще мало знакомы, но я... я никогда еще не чувствовал ни к одной ... ни к кому... того, что у меня к тебе. Мы, Грентвуды, влюбляемся один раз на всю жизнь. И мой отец, и мой покойный дед...

Он гордо рассказывал о предках. Мэри слушала рассеянно, все с той же тревогой.

– Я никого еще не любил, – сказал Том.

– Я тоже.

Он взволновался сильнее, повернул девушку лицом к себе и прижал к своей груди. Они чувствовали биение сердец друг друга. Том заглянул в глаза Мэри и увидел, что

расширившиеся зрачки устремлены куда-то мимо него. Перевел взгляд – это был «Рено», медленно едущий вдоль набережной.

За рулем сидел мужчина со строгим и усталым лицом. Он остановился рядом с молодыми людьми. Мэри отстранилась от Тома и села в автомобиль, но юноша не дал ей закрыть дверцу, взволнованно закричал:

– В чем дело, Мэри? Куда ты? Зачем?

– Забудь ее! И чем быстрее, тем лучше! – сказал мужчина.

Тот же акцент был у него: абсолютная точность произношения. Сверхлитературная...

– Я люблю ее! – крикнул Грентвуд.

– Тем хуже для тебя!

– Да кто же вы такой?

– Ее отец! Прощай!

– Мэри! Мэри!

Машина рванулась, Том едва не упал. Он был в смятении, он был обижен, оскорблен, раздавлен! Еще несколько часов бродил по улицам огромного города, пока, наконец, усталость и голод не заставили его отправиться домой, а точнее, в общежитие университета: на квартиру денег не было, довольствовался полукомнатой.

Заснул он сразу: сказала усталость. Внезапно он проснулся. Включил часы: два часа ночи. Выключил. Что-то встревожило его. В комнате не было соседа, он уехал на три дня. Но чувствовалось чье-то присутствие. Оно, видно, и разбудило. Он включил свет.

На койке соседа сидела Мэри.

– Ты? Как? Не верю глазам своим.

– Том, нам надо серьезно поговорить. У меня слишком мало времени. Выслушай меня внимательно, не перебивая. Потом скажешь.

– Но...

– Не перебивай. Том, я не должна была полюбить тебя. И ты – меня.

– Почему?

– Да не перебивай же! Я скажу тебе то, чего никто из людей узнать не должен. Том, я не человек.

– Чтоо-о?! – взвился он, но тут же смолк.

– Я, конечно, не робот. Не киборг. Я просто... другая. Я такое же существо, как ты. Но я не с этой планеты. Мы здесь... в командировке. Изучаем возможность контакта с вами. Обойдемся без подробностей, ты ведь и так понимаешь, что это такое.

– Но...

– Отец предупредил меня. Но все же оно случилось, нечто непонятное. Когда наши руки встретились, я почувствовала, что ты и я... что... что я – это ты, а ты – это я. На нашей планете нет такого. У нас все разумно, логично, управляемо и направляемо. Я нарушила закон и элементарную дисциплину моей отчизны.

– А Билл тоже был из ваших? Ведь это он нас познакомил.

– Он был гениальный землянин, но он был человек будущего. И поэтому его убили.

– Кто? И как ты узнала об этом?

– Наши возможности выше ваших. Вернее, наш уровень использования мозга выше, чем у вас. Билл привлек наше внимание своей гениальностью. Это был человек, подобный Леонардо да...

– Леонардо да Винчи?

– Да. Ты лучше других знаешь, что Билл – и композитор, и живописец, и изобретатель. И классный игрок в бейсбол. Не говорю уже о том, что это был бы величайший ученый. Но они именно его открытий испугались. И изобразили его самоубийство.

– Кто?

– Те, кто наживается на наивных простаках, уверяя, что дадут им работу. Те, кто готовы ради прибыли совершить преступление, применить оружие массового уничтожения. Не говоря уже о такой мелочи, как устранение конкурента или собственных старых родителей.

– Ты марксистка? Ты коммунист?

– Нисколько. Я мыслящее существо, познавшее любовь. И я знаю, что ты меня любишь так же сильно. И я приглашаю тебя покинуть эту планету. Наша командировка завершена. Группа на рассвете улетает. Отец мой согласен на нашу любовь. Он все понял. Он хороший. Совет мудрых склонился удовлетворить нашу просьбу.

– Ты все сказала?

– Да. Решение за тобой. У тебя есть еще пара часов на размышления. Я подожду здесь.

– Это ультиматум?

– Зачем ты? Это разумное предложение.

– А если я попрошу тебя остаться здесь со мной, выйти замуж за меня, оставить своих?

– Я хотела бы быть с тобой где угодно. Но здесь еще не созрели условия. Я погибну – и погублю тебя. Том, любимый, поедem с нами. Они убили Билла, могут убить и тебя, потому что ты уже говорил в полиции. Ваша планета не готова к контактам. Вы еще... страшно дикие... Нет, не ты, но в целом ... А у нас уже настоящий разум.

– Ты забыла, Мэри, о том, что у меня есть родители, две сестренки и маленький брат. Они ничего не знают. Я готов... да, готов поехать с вами. Но я должен их оповестить о...

– Нет! Нельзя! Это невозможно! Они не согласятся! Они откажут тебе!

– Я надеюсь, я даже уверен в том, что они все поймут...

– Нет. Мы вычислили. Ты должен либо отбыть тайно, либо... остаться – и забыть меня. У нас еще один час. Решайся!

Он судорожно размышлял. И решил: нет! Мама будет несчастна. Слезы навернулись на его глаза. Он сообщил любимой о своем решении.

Мэри тоже плакала. Но недолго.

– Тогда я хочу попытаться иметь от тебя ребенка. У нас еще сорок минут. Нам хватит.

Грентвуд отказался, предложение показалось чудовищным: вот так взять и создать дитя, которое станет объектом эксперимента, а потом мучиться мыслью о непоправимом грехе. Ведь дитя может родиться уродом и быть несчастнейшим существом из-за этого! Если бы там... Или здесь, но под руководством ученых...

– Последняя просьба, Том! Не забывай меня! Я тоже не смогу тебя забыть! Прощай!

Послышалось легкое жужжание, и Мэри вышла в окно. Не обняв и не поцеловав Тома. Темный силуэт небольшого летательного аппарата растворился в ночном небе.

Том Грентвуд уткнулся головой в подушку. Он чувствовал себя преступником. Он плакал и выл, кусая наволочку.

Зазвенел телефон.

– Сынок, мне не спится. Все тебя вижу, будто ты очень страдаешь. Что у тебя? Как ты?

– Мама, милая!! Действительно, мне очень тяжело! Очень! Мама, я вдруг полюбил девушку. И она – меня.

– Томми, это же прекрасно! Что в этом плохого, сынок? Я не понимаю тебя. Ее родители против?

– Нет. Но... мама, только не волнуйся. Она не наша... Она – с другой планеты.

– Инопланетянка? Какой ужас! Как она выглядит? Урод?

– Наоборот. Она очень красивая.

– На нас... на людей похожа?

– Абсолютно такая же.

– Ты... ты... не мыслишь себя с другой?

– С какой другой?

– С нашей, земной девушкой.

– Мама, поздно размышлять: она улетела. Я не могу покинуть тебя, папу, сестер и брата. Я не посмел даже... подарить ей ребенка. Наша земная мораль меня остановила...

Он зарыдал, ибо понял, что никогда уже не увидит любимой. Он осознал утрату.

– Зачем ты отпустил ее, если так любишь?

– Она не могла остаться. Если бы я улетел с ней, ты бы никогда не узнала, куда я исчез! Понимаешь? Таково было условие.

– Сынок, спасибо тебе. За твою доброту. За твою заботу о нас. (Молчание в трубке). Но мне кажется, что ты совершил ошибку. Ты предал самого себя, родной мой. Свою любовь. И ее... ту девушку, которая дала бы тебе счастье.

– Мама, неужели ты меня осуждаешь?

– Нет. Нет. Но я... Я жалею тебя, Томми. Я мать. Я сделаю все возможное для того, чтобы ты пришел в себя, родной мой! Выше голову! Ты мужчина! Не забывай об этом!

1992– 24 декабря 2001

–2 сентября 2004

Раматашарон

ВТОРАЯ СМЕРТЬ ФАРАОНА

Рамзес открыл глаза.

Вокруг него стояли люди в странных зеленоватых одеждах, закрывающих лицо и тело.

Глаза людей смотрели на фараона восторженно и тревожно сквозь круглые прозрачные окошки в белой одежде, закрывающей все их тело с головы до пят. В руках у людей были странные инструменты и какие-то черные коробочки.

На бледно-зеленой стене круглой комнаты висели зеленоватые ящики с прямоугольными застекленными окнами, за которыми плясали огненные ломаные линии.

– Кто вы? – гневно спросил Рамзес. – Как посмели меня похитить? Где я?

– Мы люди, пришедшие к тебе через много веков после твоей смерти. Мы оживили тебя, – сказал один из незнакомцев, высокий седой мужчина со шрамом на щеке.

Он говорил медленно, с запинками, подбирая слова. Акцент его, казалось, выдавал жителя Финикии.

– Что за чушь?! Я не умирал!

– Ты был убит, – возразил «финикиец». – Тебя, как и положено, забальзамировали...

– Подожди... дада... я вспоминаю... да-да, какой-то незнакомец вдруг... ножом... вчера...

– Нет, Рамзес, не вчера: с тех пор сотни раз Нил разливал свои воды, – улыбнулась молодая женщина, говорившая с тем же акцентом.

– Ложь! Не может быть! Вы – вместе с ним! Вы похитили меня и увезли, – крикнул фараон, – но вы поплатитесь за это! Великий Аммон...

– Не волнуйся, Рамзес. Постепенно ты поймешь, что мы не лжем. Мы поедем с тобой туда, где когда-то была твоя страна, ты сам увидишь, что она сегодня совсем иная. Поймешь, что сейчас иное время и иная жизнь. А пока мы покажем тебе это издали, отсюда. Посмотри!

Она подошла к квадратному окну одного из ящиков, обрамленному блестящей рамой.

– Этот экран позволит тебе увидеть и то, что происходит сейчас далеко от нас, и то, что происходило давно.

В окне появилась красивая женщина и что-то начала говорить. Она вдруг исчезла, и появилось нечто металлическое, летящее по воздуху подобно птице. Но крылья были неподвижны... Затем фараон как бы вошел в это нечто – и человек, сидящий как бы рядом с ним в кресле, заговорил на непонятном языке.

– Нет, я сплю! Это лишь сон! – как бы про себя произнес фараон. – Это... Что же это? Рамзес потерял сознание...

Прошло три дня. Фараон открыл глаза. Он был все в том же помещении.

– Проснулся? – улыбнулась ему молодая женщина. – С добрым утром! Меня зовут Лена, я психолог. Посмотри на экран и не волнуйся.

Голос, говорящий на языке воскресшего, лился из-за окна, в котором появились движущиеся картины. Совсем, как в реальной жизни.

– Почти пять тысяч лет прошло с тех пор, как ты умер, Рамзес, – говорил голос. – Вот как выглядят сейчас пирамиды и сфинкс. А это новый город, Каир, столица государства. Он прекрасен. Весь в зелени, каждое здание имеет свое лицо. Как красивы люди на улицах!

– Эти здания огромны! – воскликнул Рамзес, вздохнул. – А пирамиды, действительно, несут на себе след веков. Значит, вы не лжете? Но как, как я восстал из мертвых, как вернули меня к жизни Озирис и Изида?

– Тебя вернула к жизни наука, которая по милости Аллаха сумела развиться до высоты необычайной по меркам вашего времени. И мы, ученые Великого Египта, вместе с нашими братьями из других стран, сумели восстановить твою ауру и твое тело, – перебил ее человек со шрамом.

– Кто такой Аллах и кто эти ваши братья? – удивился фараон.

– Аллах – это Всевышний. Впрочем, не все его так называют. Но это неважно: теперь все люди – братья, – улыбнулся его собеседник. – Мы находимся в стране, которой не было в твое время. Она называется Канада. Здесь мы не один год работали вместе с нашими братьями-учеными над твоим воскрешением.

– Ты не финикиянин? – спросил Рамзес.

– Нет, я египтянин. Меня зовут Махмуд. Кроме Лены, Шломо и Славы, все мы египтяне.

– Шломо? Еврей? Он из числа рабов?

– Сейчас нет рабов, Рамзес. Мы же сказали тебе: сейчас все люди – братья.

– Не хочешь ли ты сказать, что я, фараон, сын Аммона-Ра, и жалкий еврейский раб – братья?

– Нет, не хочу. Потому что нет сейчас ни фараонов, ни рабов. Все люди равны в правах, все народы – друзья.

– Это ложь. А боги тоже равны у всех?

– Бог – один. Но каждый человек может выбрать себе веру. Это – его личное дело. Можно вообще не верить в Высшую Силу. Но это смешно.

– Такого не может быть! У каждого народа – свои боги, которые ему помогают! Ты лжешь, финикийнин. Или и ты иудей?

– Иудей я, Рамзес, – сказал молодой черноглазый человек. – Тебя это не устраивает?

– Ты раб и сын раба. И ты умрешь рабом!

– Ты опять ошибаешься, Рамзес: мой муж – гениальный ученый, биофизик. Он сказал, что он иудей, но это не совсем верно, – вмешалась женщина. – Его отец – мексиканец.

– Что значит «мексиканец?»

– Это значит житель Мексики, государства намного южнее Канады, в пределах которой сейчас находимся мы, – пояснил черноглазый муж изящной Лены..

– Что такое «биофизик?»

– Биофизика – это наука, которая изучает физические и физико-химические явления в живых организмах, структуру и свойства биополимеров, а также...

– Шломо, не пудри мозги фараону! – полусердито произнес Слава, голубоглазый богатырь.. – Сначала надо, чтобы он усвоил суть происшедшего с ним.

– Ну и выражения у тебя, Слава!

– Это из компьютерного словаря моего прапрадеда, – усмехнулся русский.

– Кто сейчас верховный жрец Египта? – спросил Рамзес, несколько успокоившись и начиная принимать реальность. – Где он?

– Его просто нет. Как нет и твоего народа в Египте. Великий муфтий Мухаммед Седьмой возглавляет мусульман планеты. Он живет в Каире. Ты увидишь его.

– Он служит нашим богам?

– Нет, он служит Единому Богу. Мусульмане, в том числе и я, биохимик Махмуд, зовут Его – Аллах. Пророк Его – Мухаммед.

– Тот, который м-м... муфтий?

– Нет, тот который основал ислам. Много веков назад Всевышний призвал его к себе.

– Никто в моей стране не придерживается моей веры в истинных богов Египта?

– Нет, она ушла вместе с твоим народом. Сегодня признано, что есть один Всевышний. Каждый житель планеты имеет право верить в Него и служить Ему по-своему. Но практически осталось только несколько конфессий. К одной из них и примыкает каждый в согласии со своей семьей, – пояснил Шломо.

– Что такое «планета?» Что за «конфессия?» – рассердился фараон. – Что это за дикие слова? Вы лжецы! Немедленно освободите меня!

Сильная боль пронзила его голову, он застонал, лицо его исказилось, ученые бросились к приборам...

Прошел месяц.

– Ты оказался на редкость способным учеником, – сказал Шломо Рамзесу. – Скоро ты будешь таким же, как все люди нашей планеты.

– Ты забываешь, иудей, о том, что я фараон, пусть даже и воскрешенный вами. Я не могу и не хочу быть таким, как все вы. Кстати, как называется твое государство? Израиль или Палестина? Я уже запутался в истории.

– Теперь оно называется Земля Любви, потому что именно здесь живут в любви и дружбе люди разных верований.

– Ты же говорил, что у тебя есть своя страна. Если страна – Израиль, то – не Палестина, а если – Палестина, то она – не твоя. В мое время...

– В моей стране столько же евреев, сколько арабов, столько же русских – сколько евреев, а чернокожих, белокожих и желтокожих – поровну.

В стране мирно уживаются иудаизм и буддизм, ислам и христианство, со всеми их сектами и ответвлениями, индуизм, синтоизм, бахаизм...

– Хватит! Снова боль! Оо-о! Голова-а!

Прошел еще один месяц.

По саду гуляли Слава и фараон.

– Так ты говоришь, биопрограммист Слава, что мое сознание восстанавливали не по генам клетки? Не клонированием?

– Нет. Это нечто новое, объяснить будет трудно, потому что речь пойдет о физических полях, о голограммах и о Всепланетном Разуме.

– О Всевышнем?

– Нет, лишь о Его малой клеточке... Все во Вселенной, как тебе известно, подчиняется определенным закономерностям. Эти закономерности не в каждом... ммм... мире... одинаковы. Закономерности состояний праматерии, присущие нашему миру, образовавшемуся около десяти миллиардов лет назад в результате Большого Взрыва, – это...

– Что за взрыв? Ты о нем не рассказывал.

– Видишь ли, вначале здесь была только как бы точка. Но она как бы плавала в океане темного мира, которого как бы не было и нет. Для нас, во всяком случае...

– Оо-о! Голова! Бо-ольно!

Прошло полгода.

Высший совет Всемирной Академии Наук в Берлине заслушивал доклад группы ученых, осуществивших восстановление фараона Рамзеса Двенадцатого.

Особый интерес вызвало сообщение Вячеслава Бутюгова об успешном применении модулированного квази-голографического пси-эффекта в восстановлении древнего единичного биокомпьютера-мозга из Общего Поля Земли.

Однако возникли и сомнения в успешности продолжения эксперимента.

Слово первым взял старейший оберчлен Хайфского отделения Немецко-Турецкой Академии Наук Иона-ИозефГанс-Кемаль Сафек-заде.

– Сколько может просуществовать этот кадавр, оживленный смелой группой фанатиков-экспериментаторов? – прогремел его осуждающий бас. – Возможно, завтра мы будем констатировать полное отторжение его органов друг от друга... и летальный исход

– Уважаемый обер-член, ваше поведение так же некорректно, как и ваши рассуждения, – прервал его голос Лены. – Наш подопытный достаточно устойчив...

Дискуссия разгоралась, стала ожесточенной. Дошло до взаимных оскорблений.

Рамзес многого еще не понимал, но то, что он слышал, было настолько чудовищно, настолько страшно и горько...

– Я, фараон, для них – оживленный кадавр, воскрешенный труп. Я для них лишь подопытное существо, подобное крысе. Будьте вы прокляты, свободные и равные! Я не поеду ни в новый Египет, ни в Европу, ни в Азию.

Он выскользнул из зала, не замеченный спорящими. Подошел к двери с надписью на эсперанто:

Камера аннигиляции!

Максимум осторожности!

Вход посторонним воспрещен!

Фараон не понимал эсперанто, но он знал, как включить рубильник.

– Вы меня больше не получите, – яростно улыбнулся он, резко подняв рукоять.

1998 – 25 12 2001–3 09 2994

Рамат-ашарон

Из сборника
«Сигнал»



«КОЛЛЕГА» С ПЛАНЕТЫ СЮР

Сэм, негр-великан, поливал автомобиль хозяина. Сам же Кларк сидел в кабинете, курил и обсуждал со Смайлсом, своим компаньоном и другом, а по совместительству и вторым телохранителем, дела фирмы.

Томас Вебер остановился перед зданием. Посмотрел на Сэма. Спросил, помявшись:
– Принимает мистер Кларк посетителей без предварительной договоренности?

Юджин Кларк выслушал Томаса, не перебивая. Снял очки.

Холодные глаза несколько секунд изучали скромного крепыша в серой рабочей одежде: простофиля или пройдоха? Скорее всего, первое: если то, что он говорит, – правда, то он теряет слишком многое, раскрывая свой секрет.

– И где же этот саркофаг?

– Я покажу вам дорогу только после подписания контракта. Двадцать пять процентов – мои. И ни цента меньше.

Смайлс, сидевший у входа и державший руку на пистолете со снятым предохранителем, весело всохотнул. Улыбнулся и Кларк: простофиля не совсем глуп.

– Ты понимаешь, парень, что я рискую своим состоянием, поверив тебе и вложив кучу денег в сомнительное мероприятие?

– Я рискую своей жизнью, потому что первый войду в пещеру.

– Пять процентов – и точка.

– В таком случае – до свидания. Поищу...

– Семь! Больше никто тебе не даст.

– Двадцать два – и поехали на место.

– Восемь процентов годовой прибыли, если она будет, в чем я не уверен. То же и с убытками: восемь процентов. Нет, десять.

– Сэр, я нищ. Я не смогу возмещать убытки, даже если захочу. И потому – двадцать процентов. По рукам?

Кларк снова надел очки. Темные стекла смягчили боль: он не выносил полуденного техасского солнца. Мрачно задумался.

– Почему-то я верю в успех. И поэтому – пятнадцать процентов прибыли – твои, парень.

– Хорошо. Мне этого хватит, пожалуй.

– А теперь, старина, расскажи о себе поподробнее. Ведь мы с этого дня компаньоны.

Кларк протянул Веберу сигару.

– Спасибо, сэр. Не курю.

– Коньяк?

– С удовольствием.

Смайлс, не теряя времени, вытащил из бара-холодильника бутылку и налил в рюмки коньяк. Вебер попробовал, глотнул еще раз.

– Мой отец, Зигфрид Вебер, был одним из последних защитников Берлина от русских. Четырнадцатилетним мальчишкой он сражался с ними на улицах родного города до тех пор, пока не был тяжело ранен.

– Обманул его Гитлер, – вставил Кларк.

– Когда он вышел из русского госпиталя, где его основательно подремонтировали, у него уже не было прежней ненависти к этим людям.

– Распропагандировали, – скривил тонкие губы Смайлс. – Умели. Не хуже Геббельса.

– Наш дом был в зоне оккупации англичан, и отец вернулся туда. Но дома не было и в помине: в него попала тяжелая бомба... Отец узнал, что он сирота: бабушка погибла при взрыве, дед – на фронте. Родственников своих отец не нашел.

– И попал в лапы уголовников! – довольно уверенно предположил Кларк.

– Да, сэр. И – в тюрьму. А позже – судьба наемника в Африке. Ему повезло: скопил денег, уехал в Штаты. Женится на англичанке. Появился я. Отец купил ферму, я достиг совершеннолетия... Вам еще не надоело слушать?

– Нет, я чувствую, что сейчас будет самое интересное.

– Самое печальное. Отец в автомобильной катастрофе был смертельно ранен. Он успел сказать мне только то, о чем вы уже знаете, и умер. Мы разорились, вскоре и мать умерла, поэтому я так и не смог организовать экспедицию. Все.

– Вы женаты?

– Да.

– Жена тоже немка?

– Представьте себе, еврейка. Сарра.

– Вас не смущает это?

– Жизнь убедила меня в том, что дело не в национальности, а в личной порядочности.

– Кто еще знает о саркофаге?

– Никто. Правда, у одного адвоката в сейфе находится запечатанный конверт на случай моей неожиданной смерти. Сарра вскроет его.

– Вы мне все больше нравитесь, Вебер. Я хотел бы быть и далее так же расположен к вам. Но позвольте задать еще один вопрос. Почему вы не обратились к более известным лицам и более богатым, чем я? Или – к правительству?

– Мистер Кларк, вы человек бизнеса. Я навел справки о вас...

– И что же вы вынюхали?! – изменился в лице и в голосе собеседник.

– Ничего опасного для меня, – улыбнулся Вебер. – Именно поэтому я здесь, а не где-то.

Кларк расслабился.

– По рукам... сэр.

Невероятно старый «Студебеккер» упрямо полз по пустыне. Опытное ухо могло бы узнать танковый двигатель по голосу. Колеса грузовика, необычно широкие, имели покрышки с глубокими бороздами, в камерах – не воздух, а жидкость.

Внезапно гул мотора стих. Из кабины вышли Вебер, Кларк, Смайлс и богатырь Сэм, негр-водитель. Размялись, справили малую нужду.

– Сколько еще, Вебер? – спросил Кларк.

– Часов сорок – сорок пять при нашей скорости, – ответил тот не совсем уверенно. – Возможно, чуть меньше.

– Полный вперед! – рыкнул Кларк.

Моторы взвыли, как бы откликнувшись.

Вебер почти не ошибся: через сорок часов засинели вдали горы, а еще через шесть – компаньоны были у цели.

– Видите? Вот этот водопад, как занавес, закрывает вход в пещеру, – показал Вебер.

– Что за дьявольщина? – громко удивился Смайлс. – Водопад выходит из камней и уходит снова в камни. Ниоткуда – и в никуда.

– Видимо, это сделано искусственно. Под землю вода уходит, – предположил Вебер. – Там должно быть какое-то озеро. Или же...

– Разберемся. Надеть реактивные аппараты!

Все надели заплечные ранцы со шлангами. Шланги шли к соплам-двигателям, закрепленным на подошвах специальной обуви. Рулевые сопла, к которым шли тонкие трубочки, были на перчатках.

– Вперед, Томас! Мы поднимемся по вашему сигналу, – подбодрил Кларк. – Смелее и осторожнее.

Вебер нажал кнопку на металлической коробочке, расположенной на его груди. Струи огня вырвались из трубок, человек начал подниматься над землей, наращивая скорость.

Поднырнув под водопад, он ступил на площадку, с земли не видную, и выключил двигатели. Стоявшие внизу слышали в наушниках его голос:

– Все в порядке. Можете подниматься.

– Смайлс, берите с собой Сэма. Я буду ждать вас здесь, на базе, – сказал Кларк.

Трое изумленно смотрели на отполированную будто вчера черную стену. Ни бугорка, ни кнопки, ни тумблера. Черный блестящий квадрат со стороной около четырех метров. Они прошли от водопада лишь несколько метров, и вот перед ними – эта, возможно, непреодолимая преграда.

– Надо взорвать, – не совсем уверенно сказал Вебер. – Иначе...

– Не мешайте думать! Помолчите! – вдруг вскипел Смайлс. – Должен быть способ... Если стена гладкая, то... Нужен жест, нужна поза...

Он опустил на колени, поднял руки над головой – и склонился к земле, протянув их вперед. Заговорил – искренно, убежденно:

– Мы люди науки, мы пришли с миром. Земляне уже овладели многими знаниями: мы летаем в Космос, используем электронную почту, читаем геном человека. Мы жаждем общения с любым иным разумом. Поэтому мы сегодня здесь.

– Что вы несете? – начал было Вебер.

Смайлс сделал предостерегающий жест.

Послышалась нежная мелодия – и стена стала прозрачной, как утренний воздух в горах.

– Смотрите! – вскрикнул потрясенный Смайлс. – Там! Та-ам...

В кубической камере со стенами из блестящего белого металла стояло нечто, напоминающее саркофаг. Рядом был пульт. Ровный свет заливал помещение, но источник его был непонятен.

– Счетчик молчит, – шепнул Вебер. – Пока, во всяком случае. Радиации нет. Но как войти?

– Повторим мои слова все вместе, – тихо произнес Смайлс. – Истово. Искренно. На колени!

Остальные нехотя подчинились – и будто не было стены! Она исчезла.

– Мне не по себе, – сказал негр.

– Сэм! Ты ли это?! – удивился Смайлс.

– Не люблю чертовщину, Генри, – угрюмо ответил тот. – Лучше десять гангстеров с автоматами наперевес. Ладно, вперед!

Они прошли вовнутрь под аккомпанемент все той же нежной музыки. Смайлс начал изучать клавиатуру пульта. Но смысл символов на клавишах был ему абсолютно непонятен.

Еще в колледже Генри Смайлс поражал преподавателей ненасытной пылкостью и неожиданностью оригинальных мыслей, считался будущей гордостью науки. Но увлекся наркотиками, задолжал крупную сумму и исчез.

Снова объявился он через десять лет как компаньон загадочного бизнесмена Юджина Кларка. Немало тысяч долларов вложил тот в лечение, обучение и обустройство Генри, даже жениться на любимой девушке помог, убрав его соперников, о чем Смайлс, видимо, не догадывался.

Но и сам Юджин не прогадал: открытия и изобретения Генри автоматически становились собственностью его фирмы. Когда же Смайлс возмущенно объявил забастовку, то получил десять процентов акций – и все пошло по-прежнему.

Сейчас он судорожно размышлял вслух.

– Есть, видимо, устройство, различающее языки нашей планеты и переводящее речь на... На чей-то язык? Оно открыло нам вход. Но не более. Значит, в саркофаге брат-гуманоид либо киборг. Робот мог бы ждать просто так. Брата по разуму надо вывести из анабиоза... Но ведь это может сделать и автомат, впустивший нас. Значит... Значит, надо спокойно подождать.

– Там внизу нервничает босс, пора с ним связаться, – сказал Сэм тихо.

– Подождем, друг мой, подождем.

В наступившей тишине мелодия изменила характер, стала более энергичной, мажорной.

Затем она приобрела маршеобразность.

Саркофаг внезапно стал прозрачен. Клубы белого тумана вращались вокруг другого саркофага, видного внутри первого. Он был золотой.

– Неужели мумия там? Мумия фараона?! – вскрикнул Вебер. – На сколько же там золота и драгоценностей? Я думаю, на...

– Тс-с... Это совсем другое, там идет размораживание. Или что-то вроде, – прошептал Смайлс. – Сейчас узнаем. Происходит быстро. Я думал, что потребуются сутки, но...

С мягким звоном откинулась крышка внутреннего саркофага, и некто положил руки на его борта. Шестипалые серые руки.

Затем появилась голова. Но не человеческая голова в привычном смысле. Череп, серый и абсолютно гладкий, был лишен растительности, а глаза – век и бровей. Вместо носа и рта было только одно круглое отверстие.

Гуманоид смотрел на них пристально узкими черными линзами глаз.

– Здравствуйте, ученые планеты Земля, – раздался мягкий баритон, произносящий слова на чистом английском языке.

Но отверстие рта-носа не шевелилось...

– Здравствуйте, незнакомец, – промурлыкал Смайлс ласково. – С прибытием на нашу гостеприимную планету!

– Гостеприимную?! Ну уж нет.

С этими словами коллега легко выпрыгнул из саркофага и подошел к серебристому пульта, который вначале не был замечен землянами. Пульт засветился.

Не сделав ни одного движения, коллега, видимо, сумел все же повлиять на пульт, потому что тут же из ничего появились удобные кресла, в которые он пригласил сесть пришедших. Те переглянулись многозначительно.

А он опустил в такое же кресло.

– Итак, дорогие друзья, как вы уже догадались, я разумный организм с иной планеты, вращающейся далеко отсюда. На вашем языке ее имя прозвучало бы... Попробуем назвать ее Сюр. Да, это самое подходящее имя.

– Простите, коллега, – перебил Смайлс, – я не понимаю. каким образом мы слышим вашу речь, если...

– Неужели непонятно? – перебил в свою очередь незнакомец. – Это же просто: телепатическая двухсторонняя связь, поддержанная также звуковыми сигналами второй, то есть вашей, стороны. Интерфейс наш – по сути телепатический, но с вашей стороны происходит излишнее дополнение, поток звуковых колебаний. Да, я бы так сказал. Вы называете это речью.

– Извините, коллега. Я перебил вас...

– Пустяки. Итак, наша экспедиция началась очень давно. Это было время... ээ ... когда... в Египте правил фараон Микерин. Позднее я ...

– Простите, сэр, вы... не могли бы... принять более удобную для нас... форму... – вдруг заговорил Сэм.

– Кто тебя тянет за язык?! – взревел Вебер.

– Томас, утихните, – прошипел Смайлс.

– Не ссорьтесь, уважаемые коллеги. Я могу удовлетворить просьбу коллеги Сэма, – прозвучало в ответ.

В кресле уже сидел негр, явно списанный с присутствующего представителя черной расы.

Он улыбнулся и заговорил «ртом», как все люди.

Коллеги почувствовали себя плохо.

– Этого сюрца, сюрянина, или сюрятика – как его там?! – не просто будет раскошелить, – подумал Вебер.

– Сюрянин – это наиболее подходящее название, – прореагировал двойник Сэма. – Но что вы хотите сделать? «Раскошелить» меня? Насколько я помню из прежних столкновений с землянами, это синоним слова «ограбить». Вы, очевидно, имели в виду получение знаний?

– Да, о да! Вы угадали, коллега, – пролепетал утративший весь оптимизм и всю свою храбрость псевдоученый. – Мы хотели просить...

– Последнее место нашей базы было выбрано здесь. В Египте создавалось централизованное сильное государство, и мы надеялись... Впрочем, не стану докучать вам подробностями. Скажу лишь, что жрецы, концентрировавшие знания, доступные тогда землянам, не использовали их на благо всех разумных существ, более того...

– Нам знакома история Древнего Египта, – улыбнулся Смайлс. – Я понял, что вы разочаровались в людях. Или только в жрецах?

– Изучение вашей планеты показало, что земляне имели контакты также и с другими более разумными цивилизациями, но усваивали лишь техническую сторону передаваемых им знаний, не воспринимая... ээ... нравственной стороны.

– Увы, это так, – вставил Смайлс угодливо, в то же время подмигнув своим товарищам.

– Вместо истинного синкретного знания возникали предрассудки, суеверия, мистические учения, призванные поддерживать или свергать власть определенного слоя

мыслящих существ. Это весьма неразумно – и аморально. И так, я подчеркиваю это, было во всех концах вашей прекрасной по своей природе планеты.

– Простите, сэр, вы так похожи на меня, что я чувствую... э... как бы вам сказать... я не воспринимаю вас адекватно, – промолвил Сэм.

– Извините, коллега. Я поторопился. Но я исправлю дело. Только загляну в картотеку.

Между сюрянином и его гостями возникли голограммы людей: в одном легко угадывался Эразм Роттердамский, в другом – Михайло Ломоносов, в третьем – Леонардо да Винчи, уступивший внезапно место Альберту Эйнштейну.

– Этот подойдет? – спросил сюрянин.

Все трое кивнули в ответ, и вот уже живой Эйнштейн сидит перед ними. А в воздухе – еще один, точь в точь такой же.

– Уберите лишнюю голограмму! – попросил Смайлс. – Эта копия мешает, отвлекает.

– Да-да, уберу, проклятая рассеянность, – пробормотал Эйнштейн сидящий.

Висящий в воздухе ученый тотчас же исчез.

Сотовый телефон Смайлса засигналил.

– Смайлс слушает, – тихо сказал Генри.

– Какого дьявола вы там прохлаждаетесь? Что там у вас?

– Мы беседуем с ученым с планеты Сюр, это удивительный человек.

– Какого дьявола...

Смайлс отключился, голос хозяина умолк. Эйнштейн улыбнулся:

– Юджин Кларк весьма нетерпелив, не так ли? Вы в ужасе от его глупой нетерпеливости, верно? Он портит все дело вам?

– Видите ли... – пролепетал Смайлс.

– Я вижу. Больше всех переживает Вебер, инициировавший экспедицию. Так, коллега Вебер? Полагаю, из всей компании только вы, Смайлс, имеете право именоваться ученым. Но и вы избрали в жизни неверный путь. Впрочем, не виню вас: суть ситуации на планете та же, что была тысячи лет до вас: антигуманная, самоубийственная.

– Простите, мы только хотели... – заюлил Смайлс, – мы хотели просить вас...

– Я прочел ваши мысли, – резко прервал гуманоид с планеты Сюр, принимая свой истинный вид. – По логике землян я должен был бы вас уничтожить: вы не те, с кем можно вести переговоры о помощи несчастному роду человеческому. Далее. Вы для меня опасны, так как знаете место моего пребывания...

– Получай! – взревел Вебер, выхватив пистолет и выпустив всю обойму в коллегу.

Тот даже не пошевелился. Голос его был спокоен, когда он обратился к землянам.

– Не в наших правилах убивать братьев по разуму, какими бы они ни были. Я не убью вас, Вебер. И друзей ваших – тоже. Судя по тому, что я понял, земляне на пороге открытий, которые все-таки позволят нам общаться и помогать друг другу. Однако этому все еще есть альтернатива: силы зла могут победить – и тогда...

– Вы не ранены, сэр? – спросил Сэм сюрянина испуганно.

– Славный парень, меня нельзя ранить этим допотопным оружием. Я окружен полем защиты, которое вам и не представить, бедняги.

– У вас есть имя? Или номер? – спросил Смайлс, чтобы просто сказать что-то.

– Имя, друг мой, имя. Меня зовут... если по-вашему, то... что-то вроде Джорджа. Но...

Послышался шум ракетных двигателей. В проеме появился Кларк с огнеметом в руках.

– Присаживайтесь, – обратился к нему Джордж спокойно и даже как бы приветливо. – И успокойтесь. Не надо шума.

Появилось кресло. Невидимая сила вырвала из рук Юджина огнемёт и превратила его в мохнатый шар-огонь, тут же улетевший вниз.

Шеф компании хлопнулся в кресло, будто усаженный мощными руками.

– Ваша экспедиция провалилась, Кларк, – произнес Джордж с планеты Сюр. – Я решаю вашу судьбу. Можно превратить вас в обезьян. Во львов. Или – в змей. Можно – в крокодилов. Можно сделать всех вас растениями, посадить в почву пустыни. Можно дать вам много золота и отпустить с миром, взяв с вас обет молчания.

– Это было бы самое лучшее решение, – пропел Сэм умоляюще.

– Но не самое умное. Я знаю, что вы не сдержите клятвы. Есть, правда, еще один выход.

– Какой? – спросил Вебер угрюмо.

– Я могу вырезать из вашей памяти то, что произошло сейчас, и все то, что со мной так или иначе связано. Это не трудно. И вы будете жить спокойно. Только Веберу придется сделать дополнительный вырез. Чтобы забыл рассказ своего отца. Вы согласны, Томас? Вмешиваться в вашу память без вашего согласия я не имею права.

– А сделать людей крокодилами у вас есть право?! – возмутился Сэм, вызвав смех остальных.

– Тоже – только с вашего согласия.

– Какой же дурак согласится?!

– Такое случалось, – возразил Джордж.

– Все ясно, профессор. Вырезайте память, только не повредите там ничего, – пробурчал Кларк, понявший все и бросивший злобный взгляд на Вебера, втянувшего его в убыточную и опасную авантюру.

– Остальные согласны?

– Да, – ответили хором земляне.

– Вам придется депортироваться и во времени, и в пространстве. Не возражаете?

– Короче, – злобно бросил Юджин Кларк.

Они потеряли сознание.

Сэм, негр-великан, поливал автомобиль хозяина. Сам же Кларк сидел в кабинете, курил и обсуждал со Смайлсом, своим компаньоном и другом, а по совместительству и вторым телохранителем, дела фирмы.

Томас Вебер остановился перед зданием. Посмотрел на Сэма. Спросил, помявшись:

– Простите, мы с вами не встречались? Ваше лицо мне как будто знакомо.

– Нет, сэр, я вижу вас впервые.

– Странно, – пробормотал Вебер, – я где-то уже видел это здание. И этого негра. Нет, мне приснилось, видно. Но хуже всего то, что я не могу понять, как и зачем очутился здесь. Надо позвонить домой, спросить у Сарры.

И он пошел дальше, провожаемый долгим взглядом Сэма, заподозрившего неладное.

21 января 2002, 28 августа 2004

Рамат-ашарон

УЛАР

Он приподнялся на правом локте – и снова упал, издав стон от сильной боли.

– Ребра сломаны, но позвоночник не поврежден, кажется, – подумал Улар и перевернулся на спину.

Узкая камера площадью не более трех квадратных метров была также и довольно низкой. Камни стен подавляли грязным цветом и скользкой шероховатостью, а узкое, в ладонь, окошечко позволяло оценить невероятную толщину стен.

Космонавт планеты Гредия вспомнил, как смело, но и осторожно подходили местные мыслящие существа к его взорвавшемуся по какой-то непонятной причине звездолету.

Они казались вполне разумными существами, даже походили внешностью на гредиан. Правда, ростом были как будто несколько выше. И одежда их была более яркой и легкой.

Они молчали и явно чего-то ожидали.

Вскоре раздался гул, и над поляной появились вертолеты. Улар узнал их: видел в музее нечто подобное, применявшееся в первые века Эпохи Псевдоразумных на Гредии. И лишь тогда он понял, что жизнь его в опасности. Рука потянулась к аннигилятору, но он не позволил себе поддаться инстинкту, он еще надеялся.

Анестезирующая стрела впилась ему в бок. Он сопротивлялся схватившим его недолго...

И он здесь – израненный, безоружный.

– Эпоха Псевдоразумных, – простонал гредианин с тоской вслух. – Я сбился с курса, я...

– Ты не совсем прав, Улар, – послышался из стены голос, говоривший на чистом гредианском языке. – У нас уже иная эпоха, эпоха Космического Завоевания. Ты на планете Лулл, сбившийся с курса смельчак-гредианин.

– Лулл, – прошептал космонавт. – Самая страшная планета Галактики. Вот что значит быть испытателем новой техники...

– Да, Улар, – продолжала стена, всхрипев, – ваши навигационные приборы были бесполезны с самого начала. Телепортация – не полет. Ты не вышел в намеченную точку.

– Почему я в камере? И почему у меня сломаны ребра? – простонал пленник.

– Потому что ты не отвечал на вопросы о своем корабле, – сочувственно ответила стена. – Теперь тебя испытывают голодом: и пищевым, и кислородным. Может быть, это освежит твою память и поуспокоит буйный нрав.

– Это вы взорвали мой звездолет?

– Да. Случайно. Один умник попытался вскрыть его при посадке – и вот так получилось.

– Разве нельзя было просто обратиться ко мне? – возмутился гредианин.

– Можно было и нужно было. Но... даже умники бывают нетерпеливы.

– Кто ты? Что ждет меня?

– Я Луолла, главный советник Отца Народа, или Коммандора, – ответила стена. – Я предлагаю тебе от его имени забыть о Гредии, войти в состав Совета Лулла и передать нам все знания, которыми ты владеешь.

– А если я откажусь?

– Тебя ждут ужасные муки – до тех пор, пока ты не выполнишь нашу просьбу. Но тогда ты уже не будешь членом Совета Лулла.

– У нас на Гредии не угрожают, но мы умеем постоять за себя. Я не предаю родину.

– Заставят, Улар, заставят. Совету нужны ваши знания, чтобы навязать наше прекрасное устройство жизни всем другим планетам. И вашей планете – тоже.

– Моя Гредия – это общество свободных, разумных и равноправных, нам не нужны ваши порядки. Я знаю о вас: луллянин, словно бабочка булавкой, приколот к своему месту в жизни. Не нужен нам ни всесильный Отец народа, он же – Коммандор, ни льстивый, бессильный Совет.

– Твой автопереводчик прекрасен, Улар, – не то похвалил, не то поддразнил Луолла. – Рад был беседовать с тобой с его помощью. Продолжим завтра. А сегодня – второй день праздника Справедливости. Покидаю тебя, славный герой.

– Почему нет видеотелефона? – спросил пленник. – Я хочу тебя видеть. Ты же видишь меня! Или нет?

– Вижу, но плохо: темновато в твоей норе. Прощай. Видеотелефон поставим тебе, когда будешь членом Совета. Если поймешь нас.

Что-то щелкнуло в стене. Стало тихо.

– Я и так член Совета Самых Достойных у себя на родной планете, и я сумею умереть достойно. Но сначала поборемся, – подумал Улар. Я попытаюсь применить вариант «Исход». Это очень опасно и, возможно, бесполезно. Но еще хуже вынужденное бездействие.

Враги сняли с него одежду, он был гол. Его остригли. Шероховатые камни стен оказались мягким пластиком. Он не мог покончить с собой, ударившись головой, он не мог вскрыть себе вены, повеситься... Не дождутся, он и не сделал бы этого! Нет уж! Итак, вариант «Исход»...

Если бы лулляне догадались поставить пришельца под рентгеновские лучи, они бы увидели вшитый в глубь его тела крошечный, но сверхмощный энергонакопитель с геновариатором. Улар знал, как включить его: он вытянулся, преодолевая боль, вызвал Ось Вселенной – и мысленно назвал кодовое число.

Дрожь начала сотрясать его тело: энергия Единого Поля вливалась огромными порциями. Накопление завершилось. Он назвал новое число, и после секундной почти невыносимой боли началось излечение, а затем – перестройка тела.

На половину минуты энергия всех электростанций Лулла перестала поступать к потребителям: она уходила куда-то... К Улару.

Змея-многоножка выползла из узкого тюремного окна. В наступившей темноте никто ее не заметил, и она ловко спустилась по отвесной стене, используя вакуумные присоски на лапках.

Охранник-робот услышал шуршание и направил бластер в ту сторону, но тут же упал, смятый волной гравитации, которую метнула из глаз своих змея.

Она спокойно проползла под массивными воротами на улицу.

Вытянувшись, снова подключилась к Оси Вселенной.

Через несколько мгновений с земли поднялся обычный луллянин. Правда, пока голый.

– Здравствуй, гредианин, – услышал Улар взволнованный голос, тихо говоривший по-гредиански.

Оглянувшись: такой же обычный луллянин, но одетый, проглядывался сквозь мрак.

– Я тот, кто послан ожидающими тебя, – продолжал луллянин, подавая сверток. – Мое имя Крон. Вот одежда для тебя. Поторопись.

Улар доверился незнакомцу, оделся. Казалось, все это происходит с ним во сне.

– Вот твой автопереводчик. Возьми его, я скопировал прибор, это оказалось не трудно.

– Если ты провокатор, то умрешь страшно.

– Я твой друг. Мои братья далеко, путь предстоит нелегкий. Не будем терять времени.

Вспыхнули фонари, в тюрьме дико завыл сигнал тревоги.

– Братья сделали все, что смогли. Пауза кончилась. В машину! – вскричал луллянин.

Электромобиль мчался.

Мелькали приземистые здания, высокие башни, шарообразные сооружения непонятного назначения.

– Самое трудное – проскочить ворота! – почти крикнул Крон.

– Какие ворота? – насторожился Улар.

– Городские. В этом городе живут...

Автопереводчик завыл: искал слово. Наконец, нашел что-то подходящее:

– Ориентировочно, имеются в виду хищные разумные существа, использующие...

Снова завыл автопереводчик, и Улар выключил его на миг. Снова включил.

– Мы, трудящиеся, живем за чертой города. Жаль, в темноте ты не видишь огромного купола, который над нами. Тебя ведь нашли не в городе, а в поле, во время выезда горожан на пикник.

– Меня подстрелили наркотиком? Я ничего не признавал и ничего не помню.

– Да, это их метод. Проклятье! Нас уже встречают! Возьми мой бластер – и если задержат, сразу же стреляй по солдатам. Мы должны проскочить! Иначе... Толщина ворот – пятьдесят ладоней. Неодолимое препятствие....

Роботы-охранники не забеспокоились, потому что Крон назвал секретный код, стрелять беглецам не пришлось.

Электромобиль летел по автостраде.

– Почему над городом колпак?

– Охрана от радиации. Не так давно была ядерная война между двумя блоками держав. Один блок, наш, победил. Вернее, победил этот город – единственный, над которым удалось создать непробиваемый и непроницаемый колпак. Город – почти все, что осталось и от победителей, и от побежденных...

– А кто же тогда ты и твои братья?

– Мы рабы, потомки побежденных, чудом выживших в некоторых укрытиях и собранных победителями для обслуживания их города.

– Вертолеты! – заметил Улар.

– Мы пропали! – горько вскрикнул Крон.

– Нет! Останови машину!

Протянув руки к вертолетам, Улар направил лучи энергонакопителя довольно точно: все три вертолета вспыхнули и упали.

Снова бешеная гонка – и вот они около неприметного домика в горелой роще. Вошли – и лифт опустил их глубоко под землю, а бронированные крышки закрывались за ними после каждой секунды спуска.

Толпа луллян, одетых в комбинезоны, встречала их. Один из рабочих подошел ближе.

– Здравствуй, гредианин. Меня зовут Тогаф. Трудовой народ Лулла приветствует тебя и просит возглавить восстание против...

Снова завыл автопереводчик. Тут же дрогнул пол.

– Бомбят, – улыбнулся Тогаф, – но нам это не опасно. Правда, на поверхности будет радиация еще более сильная. А теперь тебя ждет сюрприз. Подойди, Луолла, брат мой.

– Здравствуй, Улар! Удивлен? Это я говорил с тобой, когда ты был в камере. С детских лет я увлекся историей – и понял всю чудовищную несправедливость нашей жизни. Я понял также, что ничего изменить не смогу до тех пор, пока не поднимусь вверх, в Совет... Да, так было. Я добился звания главного советника. Не спрашивай, каким путем. Но цель моя жила в тайниках души!

– Ты говорил со мной в камере не так.

– Я не мог иначе. Ты же понимаешь это. Отец народа – выживший из ума старик. Ему поклоняются, но правит Совет. Точнее, тайный Совет десяти. Жителей города этот строй вполне устраивает. Но трудовой народ...

– А те, кто в городе? Все они мерзавцы?

– Даже если кто-то попытается добиться хоть малейшей справедливости для другого, а не благ для себя, он бесследно исчезает. Я задумал стать Отцом народа, чтобы все изменить сверху, но понял, что это не получится. И тогда я тайно связался с рабочими, стал их братом. Мы готовили восстание. Появился ты. Вот и все.

Снова дрогнуло все вокруг.

– Бомбы продолжают падать, – сказал кто-то молодой. – Придется уничтожить город, хотя это и бесчеловечно.

– Их там десять миллионов, а нас, рабов, всего сто тысяч, мы не можем пойти на массовое убийство подавляющего большинства луллян, – возразил другой рабочий, постарше.

– Как считаешь ты, брат Улар? – спросил Луолла. – Есть у нас моральное право уничтожить город, население которого в сто раз больше, чем наша рабочая семья?

Гредианин нахмурился. Решить чужую проблему он не имел права. По законам своей родины. Но сейчас он их брат, эти люди – труженики. Они, а не те бездельники и преступники, которые засели в городе под колпаком, – истинное будущее планеты.

– Я понимаю ваш гнев, братья, – медленно произнес он. – Я бы, не задумываясь, сказал вам, что есть у вас моральное право уничтожить Город. Но там есть невинные дети, есть взрослые люди, которые примкнули бы к вам, если бы не страх перед репрессиями в случае неудачи восстания. И таких, возможно, немало. Я теряюсь, я не могу ничего посоветовать.

В это время раздался ужасающий грохот, все заходило ходуном.

– В стене трещина, – закричал женский голос, – она растет!

– Гредианин, колеблешься? Внимание! Я Тогаф, – загремел в динамиках голос вождя. – Люди труда! Восстание! Победа или смерть! Командиры! Приступите к выполнению плана!

– Я с вами, – крикнул Улар.

И добавил негромко:

– Пусть меня судят по законам Грдии, но потом, после победы над жестокими тунеядцами.

Командиры сидели у экранов. Их было несколько десятков. Каждый экран отражал то, что видит ракета, взлетевшая из какого-то ближнего или дальнего замаскированного колодца.

Ракеты направлялись к бомбардировщикам врага и взрывались вместе с ними. Ядерные взрывы теперь происходили в воздухе. Через несколько минут все самолеты были уничтожены.

– Направить все оставшиеся ракеты на город! Пробить проход в воротах! Взрывы – в одной и той же центральной точке ворот! Поднять бронетранспортеры на поверхность!

Они мчались к городу. Голос гремел:

– Полный вперед! Войти в брешь в воротах! Отрядам занять главные пункты города в соответствии с планом! Призвать горожан без промедления сложить оружие!

Тогаф, сидевший у главного экрана, подавал команды ровным голосом, в котором не угадывалось никакого волнения. Только воля!

– Брат Тогаф! Ворота целы, мы не можем войти в город! – слышались голоса командиров в динамиках. – Больше у нас нет ракет...

– Брат Тогаф! Настало мое время идти к воротам и помочь вам.

Голос Улара был тусклым: он знал, что идет на верную смерть. Тогаф тоже понял это.

– Помоги, благородный гредианин, – на сей раз голос народного вождя дрогнул.

Улар не чувствовал смертельного облучения окружающей среды, мчась в командирском вездеходе. Его накопитель ускоренно подзаряжался этой радиацией, но лишь перед самыми воротами он наполнился необходимой энергией.

Гредианин отослал всех в укрытие, а сам направил руки вперед и сомкнул их. Чудовищной силы разряд смял и отшвырнул ворота. Бронетранспортеры вошли в город.

Правительственные войска сдались, горожане приветствовали освободителей. Говорили, что Коммандор покончил с собой, члены Совета – тоже. Полз слух о том, что их перебила охрана ...

Спешно ремонтировались ворота, чтобы восстановить герметичность гигантского города. Сто тысяч рабочих входили под его купол. Народ объединялся для новой жизни.

В усиленном режиме работали реанимационные отделения больниц, медицинские пункты, все поликлиники, готовясь спасать облученных, раненных, контуженных, отравившихся.

Только одного не сумели спасти: его тело было разорвано на тысячи обгорелых кусков.

Это был гредианин.

Улар.

18 апреля 2002,

29 августа 2004

Рамат-ашарон

СИГНАЛ

Свист был пронзителен.

Руперт Винс искал его источник, но поиск оставался безуспешным.

Тем не менее Руперт чувствовал, как приближается стремительное Нечто.

Нечто уже не свистело, а жужжало – и вдруг возникло: сковало молодого программиста по рукам и ногам, лишило голоса. Жужжание прекратилось.

А на поле стояла молоденькая и очень-очень красивая девушка.

– Здравствуй, Руперт, – сказала она.

Голос ее был нежен и ласков, звучал, как музыка. Сиреневое платье облегло стройную фигуру, легкие туфли-лодочки были серебристого цвета, как и небольшая сумочка. Открыв сумочку, незнакомка внимательно посмотрелась в зеркальце. Покачала головой.

Руперт спросил:

– Что это?! Почему я парализован? Кто ты? Откуда знаешь мое имя? Что видела в зеркале?

– Лучше спроси, как я себя чувствую, – надула она розовые, чуть припухлые губки.

Он попробовал сдвинуться с места. Легко сделал шаг, второй – и вздохнул облегченно.

– Согласись, красавица, что твое появление – не рядовой случай в жизни простого землянина. Да еще этот странный паралич... Как же ты себя чувствуешь, странная незнакомка?

– Неважно. Я устала. Сильно.

– И голодна, наверно. Поедем ко мне, я тебя напою и накормлю. Только вот справлюсь с мотоциклом: забарахлил, предатель.

Винса тянуло к ней. Она это почувствовала. Произнесла удивленно, но без кокетства:

– Я тебе понравилась. Ты влюбляешься.

– Еще бы: ты так хороша...

– Жаль. Это лишнее. Это – не нужно. Так как у меня к тебе очень важное дело.

– Ко мне? Не лги! В Казахстане много пустых пространств, и ты, видно, не ожидала здесь кого-то встретить. А теперь придумала...

– Нет. Я опаздывала на нашу встречу. Поэтому и сделала так, что у тебя... это... забарахлил мотоцикл и чтобы ты возился, не находя причину, до самого моего прибытия. Он снова в порядке. Убедись! Подойди и заведи его!

Руперт подошел к мотоциклу, нажал на кик-стартер. Мотор взревел.

– Теперь ты веришь, что я... что мне нужен именно ты?

– Кто ты? Как тебя зовут? Что тебе нужно?

– Едем к тебе. Там я все объясню. Только отдохну чутьчуть сначала. Зови меня... Тамара. Ты принимаешь меня в гости, это... любезно!

Он никогда не ездил так осторожно: сзади сидела девушка, с невероятной силой с первого взгляда запавшая в душу его. Что греха таить: он имел успех у женского пола, потому что был смел, умен и уверен в себе, да и физически не подкачал.

Но эта... Он чувствовал, что она из снов, из тайной мечты его! Ее надо было беречь, как зеницу ока! Но кто она? Инопланетянка? Или наша, земная? Испытатель новой техники? Кто?

Проехали половину пути к городку.

– Остановись, Руперт, мне нехорошо, – произнесла Тамара слабым голосом.

Но он услышал ее просьбу сквозь рев мотора. Остановился, подхватил девушку – и мотоцикл упал на пыльную дорогу. Глаза Тамары закрылись. Она тяжело дышала. Стонала.

Наконец, заговорила, но этот язык не был ему знаком. Вспомнил: на Земле сохранилось около семи тысяч языков, в Интернете – около полутора тысяч.

– Возможно, это язык ее детства, – предположил он неуверенно. – Язык маленького народа? Или все же... чужой планеты?

– Руперт, что со мной было? – спросила по-русски Тамара. – Мне казалось, что я снова стала маленькой и живу в моей Мм...

– Малайзии? – подсказал он вдруг, тут же удивившись своей дурацкой подсказке.

– Нет. В моей Москве.

– Ты русская?

– Мне трудно ответить. Потом.

– Ты инопланетянка? Или землянка?

– Мне не нравится слово «землянка».

– Почему? Я землянин, ты землянка.

– Если бы ты заглянул в словарь Ожегова, то нашел бы лишь слово «землянин». О землянке же сказано, что это «крытое углубление в земле, вырытое для жилья».

– Прости, не сердись, я не подумал...

– Ты хороший. Я не сержусь, нет!

Он решился, поцеловал ее, она не ответила, но обняла спасителя, нежно прижалась к нему.

Оба замерли.

И болью зазвучал голос девушки:

– Руперт, мне нельзя полюбить тебя.

– У тебя уже есть кто-то другой? Да?

– Нет! Я просто не могу... Мне нужно выспаться. Утром все поймешь. Поехали!

Анна Владимировна, мать Руперта, удивилась, когда он появился с Тамарой и сказал, что девушка у них переночует, но не показала этого, захлопотала. От еды гостя почемуто отказалась. Ей постелили в комнате молодого инженера. Сам же он лег в столовой на диване.

Проснулся на рассвете: почувствовал чей-то взгляд. То была его гостья.

– Лежи. Так тебе будет легче слушать. Я не та, которая нужна тебе... Я не совсем материальна... Я лишь как бы живая... Я сигнал. Я послана из будущего для спасения человечества. Ты, именно ты, Руперт, должен помочь нам. И всем своим современникам, потому что и вы, и мы в опасности.

– Какой ты сигнал? Ты живая: ты теряла сознание, ты дышишь...

– Сознание?... Да, да, это изза воздуха вашего. В мое время атмосфера – иная. Очищенная. И люди – иные: очищенные.

– От микробов?

– Нет. От всего того, что принижает в них Человека. Отношения между людьми – тоже совершенно иные... Но я не человек. Я сигнал высокой сложности. Способный помочь людям спасти и настоящее, и будущее. Вместе с тобой.

– А если я откажусь помогать тебе?

– От имени потомков твоих умоляю: не отказывайся! Только ты можешь помочь мне!

– Я не верю тебе. Ты прилетела из пространства, а не из времени. Ты не землян... Не землянин. Поэтому твой не земной организм требует иной пищи, иной атмосферы. Отсюда – и обморок. Скажи мне правду!

– Я не лгу. Ты даже не представляешь, из какого далекого времени я послана. Между нами – не один миллион лет. И еще раз напоминаю: ты – человек, Руперт, а я – сигнал.

– Пусть даже так. Но я полюбил тебя, Тамара. Люблю!

– Я знаю, что такое любовь. Но я не...

– Ты робот? Киборг? Ты клон?

– Я еще раз повторяю: я сигнал. Сигнал в форме женщины-землянина Тамары. Сложный сигнал. Ну как тебе еще объяснить это? Тамара сейчас там. Живая. Я – это тоже она, но в форме сигнала.

– Все равно я люблю тебя, прекрасный сигнал. Это сильнее меня. Я не понимаю, что со мной происходит... Пстой, пстой! Не ты ли внушила мне это чувство? Если ты читаешь мысли, то можешь и внушать чувства, так?

– Я могу многое. Но твое чувство я не генерировала... Нет! Это не предусмотрено, это невозможно! Я хорошо отношусь к тебе, такова моя программа. Но сигнал не может быть ни женой твоей, ни матерью детей твоих, ни любовницей.

Она побледнела вдруг. Казалось, снова произойдет обморок.

– Инженер Винс! С нами обоими случилось что-то, не предусмотренное программистами: мне, сигналу, тоже захотелось... твоей любви, а она невозможна, ибо она абсурд.

– Зачем все это? Что плохого я вам сделал? Почему именно я ваш... подопытный кролик? Почему выбрали меня? Там, через миллионы лет... Как вы там могли найти личность далекого прошлого? Это чушь! Не морочь мне голову!

– Это не так уж трудно понять. Мы научились путешествовать во времени. И даже... вносить поправки в его ход. Представь себе как бы телевизор-компьютер. У него – три канала: настоящее, прошлое и будущее. Можно принимать информацию и даже записывать ее на диск...

– Допустим. Но ведь есть еще и место действия. Можно принять Москву такого-то числа в такой-то час и секунду даже. А Пекин в это время не будет приниматься?

– Место действия легко переносится: переходишь из файла-временного состояния в файл-карту, переводишь там курсор на Пекин, подтверждаешь, затем даешь команду увеличения и переходишь в план Пекина, там ставишь курсор, например, на площадь Тяньаньмынь, подтверждаешь – и так далее, вплоть до комнаты в доме...

– То есть в каждом канале миллионы, миллиарды параллельно идущих сериалов? И можно... проигрывать кусок времени? И... вернуться к начальной точке – и снова проиграть этот же кусок? Как киноленту?

– Грубо приближаясь, так. Например, вот этот наш разговор можно там, в будущем, просматривать и слушать бесконечное число раз. Если знаешь, как это делается. Вы еще не знаете, а мы давно знаем.

– И что это за машина времени такая жестокая? Почему ты послана к нам как сигнал, а не как... И там ты осталась – разорвалась надвое?

– Нет, я была сотворена как сигнал самой себя. Только так и можно проникнуть в другое время. Если бы ты захотел попасть в мое время, то тоже стал бы сотворять сигнал самого себя. И отправил бы в наше время не себя, а сигнал.

– И попал бы в твое время вместе с тобой? Это было бы счастье!

– Не ты, а твой сигнал прибыл бы туда. Ты сам остался бы здесь, Руперт.

– Я не пойму, видно: вы ушли слишком далеко... Но почему из нескольких миллиардов людей вы выбрали для спасения планеты от какой-то угрозы именно меня? И почему там сделали сигналом тебя, а не кого-то другого?

– Меня вычислил супермозг. Тебя – тоже: ты несешь в себе все земные расы и пять крупнейших национальностей, ты смел и умен, честен и справедлив. Ты инженер-программист. И так далее. Таких кандидатов определилось около двухсот, но по прогнозу конечного результата их действий отпали все остальные.

– Да, во мне течет смешанная кровь: один мой прадед был негр, второй – индеец, а бабушка, мамина мама, – китаянка. Папа считался немцем, мама – русской. Но во мне действительно пять национальностей. А вот ум и воля – заурядные, средние. Тут вы ошиблись.

– Скромность украшает. Перейдем к самой опасности. Ты знаешь: время, как и пространство, меняет свойства в зависимости от физических параметров данной среды.

– Да, это – элементарный Эйнштейн.

– И в некоторых точках, в узлах, время расслаивается, ветвится, возникают варианты.

– То есть атомную бомбу в ином варианте двадцатого века получил бы Гитлер и сбросил бы ее на Москву? И существует такой вариант?

– Нечто в этом роде имеется. И сейчас, в начале... третьего тысячелетия... ээ... христианской эры возник экстра-пункт расслоения времени, необычайно опасный! Не только для нашей, то есть моей и твоей, ветви, но и для всего будущего. Планета может погибнуть! И не станет будущего ни в одном из вариантов!

– Что же мы с тобой можем сделать?

– У тебя – интернационал друзей в разных странах, интернет-адреса этих передовых землян – в твоём компьютере. Ты должен собрать этих достойных людей и представить им меня, рассказать, кто я.

– Их не так уж много: семьдесят два.

– Достаточно. И я... провозглашу с вашей помощью через Интернет и все каналы телевидения послание – обращение ваших потомков.

– Допустим. Но правительства стран не захотят даже выслушать нас. А уж договориться между собой они просто не сумеют. Не дано!

– Тогда я покажу им картину того ужаса, к которому идет человечество.

– Они скажут, что это – всего лишь фильм. Они видели такие. Не поверят.

– Тогда я сотворю чудо!

– Ты же сигнал! Как ты сотворишь чудо? И почему это чудо подействует на всех?

Она заплакала.

– Мне сказали, что ты поможешь мне, а ты только и делаешь, что издеваешься...

– Нет! Я просто знаю психологию своих современников. Особенно – политиков. И хочу пояснить тебе, с кем ты будешь иметь дело...

Она продолжала плакать.

– Не плачь, прекрасный сигнал, я люблю тебя, я верю тебе и я в самом деле тебе помогу во всем. Даже если мне грозит гибель. Я тебе верю.

Тамара улыбнулась и прижалась к нему, он стал гладить ее головку. Осторожно поцеловал, опасаясь новых неожиданностей. Но она вдруг слилась с ним в таком страстном ликующем поцелуе, что он забыл обо всем, кроме этого блаженного слияния.

– Завтракать будете? – спросила Анна Владимировна, войдя. – Остынет все.

– Спасибо, я не голодна, – смутилась Тамара, – завтракайте без меня.

– Да, мама, она не будет завтракать, – понял и поддержал Руперт. – Ты не сердись.

– Но как же? Оставишь гостью голодной?

– Мама, пожалуйста! Пойдем на кухню! Не скучай без нас, Тамара. Я быстренько.

Как во многих семьях, кухня служила Винсам и столовой. Ели обычно не спеша, тщательно пережевывая пищу. Но сегодня Руперт торопился, ел быстро, почти не жуя. Анна Владимировна качала головой. Но молчала, чувствуя, что так будет лучше для всех.

Потом она ушла в больницу, где сегодня была дежурным врачом, а молодые люди засели у компьютера.

К полуночи согласились участвовать в общем деле все друзья организатора.

Интернет в течение нескольких дней заполняли новые и новые сайты, призывающие всех-всех-всех быть у экранов телевизоров двадцать седьмого июля, в двадцать часов по Гринвичу: всего десять минут будет говорить о спасении Человечества информатор, посланный к нам из Будущего.

Главные телеканалы и радиостанции планеты получили приглашение посвятить это время трансляции встречи с информатором, а газеты – предложение прислать корреспондентов в студии, осуществляющие телемост с Рупертом.

Правительства, парламенты, политические партии и профсоюзы, духовные лидеры всех стран были предупреждены о том, что от них ожидается немедленная реакция на сообщение посланца грядущих дней.

В аэропорту Домодедово в день передачи Руперта и Тамару встретили и окружили его соратники, а через полтора часа все активисты операции «Спасение» были в телестудии, спешно сооруженной в одной из средних школ молодыми инженерами столицы. Они жаждали подробностей. Беседа продолжалась не один час. Единственным, о чем не рассказали прибывшие, оставалось их запрещенное программой чувство любви друг к другу.

– Люди планеты Земля, – волнуясь, заговорил Руперт в назначенное время. – Как вы уже, наверно, слышали, к нам послан сигнал из будущего. Потомки предупреждают о страшной беде. И мы передаем слово их посланцу.

Сотни миллионов землян увидели на экранах телевизоров и компьютеров Тамару.

– Дорогие мои, – раздался ее дивный голос, тронувший сердца, – вы и без меня знаете о загрязнении атмосферы и парниковом эффекте, об уничтожении лесов, этих зеленых легких планеты, о губительных конфликтах между странами, партиями и религиями.

Страшные ножницы вот-вот перережут нить жизни на Земле.

Одно их лезвие – это огромные возможности науки и техники, которыми могут и должны осторожно пользоваться высокообразованные и разумные существа.

Второе – примитивная, злобная и извращенная нравственность массы людей, далеких от светлых идеалов любви к ближнему, легко становящихся игрушками бессовестных, безжалостных, а нередко и ненормальных вождей.

Лезвия ножниц вот-вот сойдутся и разрежут нежную нить жизни на планете. Каким образом, спросите вы? Способов – масса.

Кто-то выпустит на волю смертоносные микробы и вирусы, созданные в лабораториях.

Кто-то взорвет одновременно десятки атомных электростанций или сотни ракет с ядерными зарядами.

Кто-то подожжет одновременно во многих местах леса Америки и Азии.

Кто-то откроет секретные баллоны с газами, убивающими все живое и дышащее.

Кто-то сделает и то, и другое, и третье.

Но уже появились и более страшные способы самоуничтожения человечества. Пока они в лабораториях и на испытательных стендах.

По мере того, как она говорила, экран то и дело показывал жуткие картины возможной всеобщей гибели.

– Чудовищное преступление может произойти не через сто лет, даже не через десять, даже не через год. Оно может произойти и в этот момент, когда вы видите и слушаете меня.

Каков же выход? Он только один: все правительства, все политические партии и вожди, все религии должны немедленно начать общую борьбу за высокий идеал любви каждого человека ко всем людям и к самому себе. Борьбу с темными силами, как бы они ни назывались, какие бы красивые слова ни прикрывали их грязные цели и мерзкие дела.

Но чтобы подтолкнуть своих правителей, рядовые люди обязаны сплотиться и...

В дверь студии постучали. Стук повторился. Громче. Еще громче.

– Откройте дверь! – раздались грозные крики. – Или мы ее выломаем. Ну!

Тамара протянула руку к двери, взмахнула ею сверху вниз – и все смолкло за дверью. Тут же зазвенел телефон. Один из собравшихся в студии взял трубку.

– Совбез ООН решил уничтожить Сигнал, так как он враждебный и инопланетный, – задыхался взволнованный голос. – Это поддержал и Всемирный Совет Церквей, считая Сигнал порождением нечистых сил. То же самое решили...

– Положи трубку, – промолвила девушка-сигнал. – Я и так знаю все это.

Она была бледна, но продолжала говорить твердо и уверенно:

– Люди! Земляне! Предки! Меня не понимают! Я вынуждена сотворить чудо! Чудо, которое спасет вас – и нас. Посмотрите в глаза мне, праотцы и праматери моего поколения!

Оператор взял крупный план. На экранах планеты сияли прекрасные глаза девушки-сигнала.

– Смотрите! – вновь воззвала Тамара.

В тот же миг ее глаза слились в одно Мудрое Любящее Око. Из него струилось нечто теплое и доброе, обновляющее сердца зрителей.

От глаз тех, кто попал под взгляд Сигнала, струились теперь такие же волны и вливались в глаза и души тех, кто шел им навстречу, кто находился рядом с ними.

Все эти люди как бы очнулись от нелепого и страшного сна. Они увидели, как прекрасны все их братья и сестры – независимо от цвета кожи, языка и веры, возраста и умудренности.

Любовь к ним, братьям и сестрам, таким близким и понятным, разгоралась в сердцах землян все сильнее.

Они теперь знали, что нужно делать!

– Прощай, Руперт!

Тамара таяла на глазах. Контур ее тела струились, уходя в окуляр телекамеры. В течение нескольких секунд девушки не стало.

– Прощай, Руперт, – повторялось и повторялось неугасающим эхом в ушах Винса.

– Нет, – шептал он. – Нет. Я не могу с тобой проститься. Я хочу быть с тобой, прекрасный сигнал! Пусть я сам стану сигналом, камнем на дороге, чем угодно, но не уходи! Я не знал, что чудо – это твоя гибель! Я не знал...

– Руперт, поздравляем! Свершилось! – радостно пожимали ему руку товарищи. – Люди стали людьми!

15 мая 2002,
29 августа 2004
Рамат-ашарон

ОСТРОВ

Нафтали вошел в Интернет, выбрал ICQ, передумал, закрыл его и вошел в Hotmail.

– Опять письмо от незнакомого! Наверно, этот krokodil@hotmail хочет заразить мой компьютер каким-нибудь новым поганым вирусом, – пробормотал сердито. – Уже сто раз, а то и больше, таскал изза вируса свой махшев в мастерскую. Мастер ЛевАрье сказал, что ему жалко моих денег. Может, и прав славный мужик.

Еще раз прочитал обратный адрес. И вдруг его обожгло воспоминанием:

– Крокодил! Крокодил! Это же школьная кличка Шимона! Из-за его ужасной физиономии! В тихоне его прозвали также Нострадамусом изза попыток пророчествовать, а в университете – Эйнштейном, благодаря неожиданным вопросам, поражающим некоторых лекторов.

А еще вспомнилось, что девушки дразнили Шимона Кайверстайна Отшельником изза его вечного сидения в библиотеках над иностранными научными журналами. Вспомнил Нафтали, как они с Шимоном дружили целый год!

Нафтали встал изза стола в волнении и зашагал по салону.

– Шимон! Когда мы в восемьдесят девятом репатрировалась из Кишинева, он помогал мне в школе овладеть ивритом, не щадя времени, как родной человек. Потом мы переехали из Хайфы в Иерусалаим, и незаметно связь оборвалась. А в армии снова встретились, и он был всегда рядом. Но вдруг он как сквозь землю провалился... Нафтали снова сел к компьютеру и открыл файл. Действительность не обманула его. Письмо и в самом деле было от Кайверстайна. Он писал:

«Дорогой друг Нафтали!

Извини за то, что, внезапно исчезнув, так долго не давал знать о себе. Я нашел-таки в Торонто двоюродного дядю. Вернее, меня нашли его адвокаты. Все состояние, а оно немалое, было завещано моей маме, зихрона ли враха, и я стал единственным наследником, которого долго искали. Потому срочно уехал.

Получив наследство, я решил воплотить в жизнь мечту нашей юности. Помнишь ее?...»

Нафтали продолжал читать письмо с интересом.

«Иди на риск, друг, срочно увольняйся: предстоит то, что как раз по тебе. Расскажу на месте. Немедленно поезжай в Хайфу. На тебя уже заказан билет до Лиссабона. Там встретимся.

Жду с нетерпением.

Всегда твой Шимон.»

– Мечта юности?... Да-да, мы мечтали приобрести в одном из океанов остров и построить рай на земле! Значит, он сумел приобрести... Рискну! Я холост, детей нет! Но что подумает заведующий кафедрой? А мои студенты? Они поймут? Вряд ли... Но друг ждет, и я обязан!

В Лиссабоне к Нафтали подошли двое крепких незнакомцев. Один из них сказал:

– Шеф ждет в офисе. Пожалуйста в авто.

Нафтали и Шимон обнялись.

– Я знаю, что ты развелся, – произнес Шимон как бы даже радостно. – Никто не помешает тебе поехать со мной на наш остров.

– Растолкуй подробнее. Коньяк есть?

Они выпили по глотку, и Шимон, расхаживая по офису, продолжил разговор.

– Я купил островок в океане, создал научно-техническую лабораторию, чтобы дать человечеству:

а) экологически чистый и практически бесплатный источник энергии;

б) самовоспроизводящуюся пищу;

в) религию всеобщей Любви – простую и понятную любому из народов планеты;

г) прибор для обнаружения и разоблачения носителей дурных целей и планов.

Нафтали не смог сдержаться, улыбнулся.

– Вижу твою скептическую улыбку. Но я не один, со мной – талантливейшие ученые и инженеры. Те, кто заразился моей идеей и поняли, что Человечество надо спасти.

Мы вгрызлись в глубь острова на километры, а наверху – несколько хижин, в которых живет охрана. Она прекрасно вооружена, но изображает дикое племя. Внизу – лаборатории и заводы, где трудятся ученые-фанатики, непонятые изобретатели, школьники-вундеркинды, наши общие дети и ученики.

– Чего же вы добились?

– Больших успехов. Главный – ротор-генератор, вращаемый магнитным полем земли. Это оказалось делом простым до смеха. Не нужно теперь никакого топлива! Понимаешь?

– Понимаю. Еще как! Это же...

– Да, это революция! Универсальную пищу мы не сумели создать ...

– Вот видишь!

– Не торопись! У природы-матери нашли ее. На глубине трехсот метров под дном Тихого океана обнаружили особую форму жизни, нечто среднее между грибами и простейшими животными. Питанием для нее может служить что угодно. Что угодно! Великое чудо природы!

– Но...

– Никаких «но»! Эта форма, мы ее назвали *Supervita*, содержит не только белки, жиры и углеводы в необходимом для человека количестве, но и полный набор витаминов.

– Ее же трудно добывать с такой глубины!

– Верно. Но нам удалось-таки заставить ее размножаться с невиданной скоростью на поверхности острова! Урожай снимаем ежедневно.

– Не верится. Это – величайшая победа, друг! – Нафтали встал взволнованно. – Это... Но я зачем тебе, если все главное уже сделано?

– Подожди! Прибор по обнаружению дурных замыслов создан нами на основе старых знакомых: энцефалографа, сканера и дигитального приемника. Мы дали ему имя

«Мацпун-супер». Он действует на расстоянии до километра. Сигнал усиливается по мере приближения к объекту. Вернее, к субъекту.

– И вас никто не засек до сих пор? Шимон помрачнел.

Остановился.

– Прибор оказался настолько эффективным, что нам удалось разоблачить агента «Клуба двадцати четырех». Да-а...Один из наших инженеров оказался предателем...

– Это опасно. Что за клуб послал его?

– Это хитрая организация. Конечно, тайная. И как будто бы самостоятельная. Создана недавно. Как нам удалось выяснить, все двадцать четыре члена клуба – люди, представляющие тайные интересы нескольких держав и...

– И?

– И также легаты мощных конфессий.

– Это... зародыш глобальной империи?

– Думаю, ты угадал. Это опасно.

– А я... Ты хочешь сделать меня пророком новой веры? Глобальной веры? Угадал?

– Да. У нас ничего не получается с религией всеобщей любви. Не можем зажечь души. наших проповедников-экспериментаторов не поняли нигде. Более того, некоторые из них погибли от рук фанатиков. Именно поэтому я обращаюсь к тебе. Я знаю, что ты овладел всеми ступенями иудаизма, а последнее время посвятил усиленным занятиям Каббалой...

– Не только, дружище! Я изучил и...

– Мы знаем и об изучении Корана, и о твоём послушничестве в католическом монастыре. И о тайном пребывании в Тибете.

– Мы?! Кто это «мы»? И почему...

– Мы – это наш коллектив, к которому ты примкнешь скоро. Надо найти синтез религий, приемлемый для всех и зазывный, надо...

– Ты обращался к официальным лицам?

– К сожалению. Я послал письма правительствам США, России, Китая, Саудии и Индии. Их вежливые отказы были адресованы не ученому, а недоучке-простофиле.

– И это все?

– Нет. Их разведслужбы получили задания, о которых мы не все еще знаем. Боюсь, что и «Клуб двадцати четырех» – это ответ на наши послания... и на донесения агента, которого мы слишком поздно разоблачили. Нам надо спешить! Человечество должно нас понять, поверить!

– Может быть, достаточно уже полученного? Есть пища, есть энергия, есть разоблачитель зла. Разве этого мало?

– Не мало. Но и не достаточно. Путь к раю на Земле – только через совершенную религию! И это – твоя задача. Короче, вперед, на остров! Сегодня ночью мы вылетаем обычным авиарейсом в Бразилию, а оттуда наша субмарина отправится на остров. Кстати, ее приводит в движение гравитационный мотор.

– Шеф, прибор показал, что в самолете три террориста, – шепнул один из телохранителей Шимона Кайверстайна, едва они вошли в салон.

– Действуйте по инструкции.

Крепкие парни подошли к двум мужчинам обычного вида, сидевшим в разных концах салона, и сделали им укол сквозь одежду. Те сникли. Затем один из парней проделал то же с девушкой. Второй шепнул что-то на ухо стюардессе. Прибыли полицейские, унесли спящих, но потребовали от парней остаться в аэропорту. Те посмотрели на Шимона, он едва заметно кивнул.

Телохранители покорно вышли из самолета, который вскоре получил от диспетчера разрешение на взлет.

– Что будет с ними? – обеспокоился Нафтали не на шутку.

– Не волнуйся. У нас есть свой человек.

И в самом деле, в Бразилии оба парня встречали их. Нафтали ошеломленно открыл рот.

Ночью яхта своего человека, очень милой дамы, отчалила от берега, а через час пассажиры перебрались на всплывшую подводную лодку, тут же погружившуюся и набравшую ход. Гравитационный двигатель работал бесшумно.

– Нам предстоит плыть около двадцати восьми часов, – сказал Шимон, – поделись, у тебя есть какие-нибудь мысли о новой религии. Есть?

– Да. Есть нечто, близкое всем существующим верованиям. Для объединения, а в дальнейшем – для облегчения перехода в новую единую веру. Возможно, с сохранением фракций.

Во-первых, подавляющее большинство людей верует в Единого Бога, в загробную жизнь.

– Убежденность многих атеистов в наличии Информационного Поля близка к этому, – многозначительно добавил Шимон. – Да, это могло бы помочь объединиться и с ними. Далее, большинство людей верит в наказание за грехи и воздаяние за добрые дела. В-третьих, везде существуют ритуалы, разные по форме, но сходные по сути...

– Ритуалы, различие в которых – повод к религиозной ненависти, к войнам в течение веков. Вспомни патриарха Никона в России, Мартина Лютера – в Германии, вспомни все течения во всех современных религиях, сектантство...

– Верно. Но и здесь общее: поцелуй-прикладывание, омовения... и прочее – можно свести к единому простому и удобному ритуалу или признать единую сущность разных ритуалов. В-четвертых, во всех религиях есть вера в силу молитвы, истово обращенной ко Всевышнему; это присуще человеку вообще. Даже атеисты...

– Многие из них готовы принять веру в Высшую силу, если им это доказать. Но ты не сказал ни слова о статье в твоём компьютере, которая почти завершена: «Счастье Веры». Там ты с гениальной простотой излагаешь основы Новой Веры. И не сказал ничего о твоём, на мой взгляд, потрясающем «Введении в Каббалу».

– Ты... ты был в моём компьютере?

– Ты не закрыл его секретным паролем.

Да, Лев-Арье советовал, но я думал...

– Теперь понимаешь, почему целая группа ученых и философов с таким нетерпением ждет тебя на острове?! Пора нам выйти к людям планеты со всеми нашими дарами. Пора устроить рай на земле!

Седой человек в безупречно сшитом костюме, чье имя значилось в списке самых богатых людей планеты, глотнул коньяк из бокала, выключил телевизор и тяжело взглянул на остальных собравшихся у экрана в подземном бункере. Это были известные военачальники, политики и дипломаты, а также личности, одетые в столь же дорогие костюмы, как седой. Об их социальном статусе можно было только догадываться.

Седой нажал кнопку. Переводчики в соседнем помещении напряглись, готовясь к синхронному переводу. Их хозяева поправили наушники.

– Наш агент обезврежен. Ждать больше нельзя. Остров угрожает планете, господа, – продолжил президент «Клуба двадцати четырех», допив коньяк. – Я прошу всех высказаться. Мы должны прийти к консенсусу.

– Прежде всего, о супер-пище, – взвился производитель консервов. – Ее появление лишило бы народы стимула к труду, а всех нас – наших законных прибылей. Развалилась бы мировая экономика, цивилизация обратилась бы вспять, планета пришла бы обратно к дикости. Мое мнение – уничтожить остров.

– А я говорю, что проклятый двигатель без горючего более опасен, – промолвил нефтяной магнат. – Рухнут моторостроение, нефтяная и химическая промышленность, возникнет цепная реакция – и мы придем к мировому кризису, какого еще никто не видел, к мировой войне и... Мое мнение – уничтожить!

– Нет ничего более вредного, чем аппарат, читающий мысли, – пробасил один из военных, – он угрожал бы делу мира во всем мире, а также и сенаторам, и дипломатам, и даже президентам. Не говоря уж о затруднениях в военных действиях. Поэтому надо уничтожить остров немедленно!

– Все верно, господа. И все-таки опаснее всего было бы возникновение единой религии.

Это сказал румяный седой человек, в котором жители одного небольшого государства легко узнали бы главу столичного духовенства.

– Да, господа. К власти на планете пришли бы суперстеничные, но ненормальные диктаторы, подобные Гитлеру и Сталину, способные уничтожить и чужие, и свои народы, все живое.

– Что за чушь?! – не выдержал кто-то.

– Спокойнее! Совещание продолжается. Ваши высказывания протоколируются. Решение о наших действиях должно быть принято сегодня.

Подводную лодку со страшной силой бросило в сторону, потом – снова и снова.

– Шеф, самолеты забрасывают нашу субмарину глубинными бомбами, – раздалось в динамике.

– Уничтожьте их, – последовал сердитый голос Кайверстайна. – Это же просто.

– Есть уничтожить, – рявкнул голос.

Бросания подводной лодки прекратились. Но через два часа последовала новая атака, на сей раз – военных кораблей. И снова Шимон дал команду на уничтожение. Стал мрачен, молчалив. И хотя больше лодку не атаковали, все ее ультрасовременные средства боя были в полной готовности.

Прошло некоторое время.

– Ну, мы у цели, – сказал Шимон. – Но радости нет в моей душе: с острова сообщают, что день и ночь над ним кружат самолеты-разведчики.

Он дал команду на всплытие, и Нафтали заметил, что голос Кайверстайна дрогнул.

Едва субмарина поднялась из воды, как сверхзвуковой самолет-разведчик стремительно удалился от острова, а через минуту посланная с дальнего корабля боевая ракета, начиненная термоядерной бомбой, воткнулась в остров. Гигантский гриб поднялся к небу. Субмарину смяло, сплющило, сожгло. Через тридцать семь секунд после первого взрыва еще одна ракета воткнулась в горящий остров, и новый атомный гриб смешался с первым.

Утром следующего дня агентства радио, телевидения и печати сообщили о неожиданном извержении нового, ранее науке не известного, вулкана, расположенного на крошечном островке. Давались координаты островка, но следовало предостережение: лава и дым необычайно радиоактивны, приближение опасно для жизни.

14 августа 2002 года,
29 августа 2004 года
Рамат-ашарон

Оглавление:

Из сборника «Кот в сапогах»

Гибель Лулла	3
Звук	11
Страшная месть	14
Спасатели.....	22
Музыка его души.....	27
Шум, только шум	34
Кот в сапогах.....	36
На свалке	38
Прерванный рейс	47

Из сборника «Сиреневое поле»

Сиреневое поле	51
Его звали Боб	83
Ошибся ли Том Грентвуд?....	89
Вторая смерть фараона	98

Из сборника «Сигнал»

«Коллега» с планеты Сюр.....	107
Улар	121
Сигнал	131
Остров	144

Оглавление	155
------------------	-----

Александр Герзон
Его звали Боб
Сборник фантастики
Третья редакция. 2006 год
Тираж 500 экз.
Компьютерный дизайн
и верстка – Н. Варичева
ЗАО «Тиссо»